

ДЕЛО «КР»

(Из истории гонений на советскую интеллигенцию)

Вопрос о судьбах отечественной интеллигенции в советское время привлекает широкое внимание историков и публицистов. Подавляющее большинство опубликованных работ, в том числе и зарубежных советологов, концепции которых внедряются в структуру наших исторических оценок, построено прежде всего на основе публикаций того времени и тех документов и свидетельских показаний, которые просачивались в общественно-политические и специальные издания, в научную периодику. Вместе с тем в нынешних условиях все более зримо вырисовывается, что тогдашняя официальная печать, ограниченная рамками жесткой цензуры, далеко не полно отражала реальные события, происходившие в стране.

Доступ к архивным материалам, значительно расширившийся с начала 1992 г., позволяет вскрывать и глубинные процессы, детали осуществления которых охранялись со строгостью государственной тайны.

Начало борьбы против инакомыслия, за абсолютизацию принципов партийности и социалистического реализма в послевоенный период закономерно связано с известным постановлением ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», принятым 14 августа 1946 г. Оно, как и последовавшие затем постановления о второй серии кинофильма «Большая жизнь» и о мерах по улучшению репертуара драматических театров, было предreshено, как свидетельствуют архивные материалы, на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 9 августа 1946 г. Это было единственное за последние 15 лет сталинского господства заседание Оргбюро ЦК, которое прошло под его непосредственным руководством, и именно вождем были определены основные положения данных постановлений¹.

Эффект и общественно-политическое значение своевременно опубликованных постановлений 1946 г. широко освещены в исторической науке и публицистике. Однако, несмотря на резонанс в обществе, ожидавшегося перелома в практической деятельности партийных организаций страны и влияния на сознание коммунистов в результате этих документов не произошло. Решения ЦК затрагивали лишь достаточно узкий круг творческой, причастной

¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 116, д. 272, л. 1 — 2.

к литературе и искусству интеллигенции. Партийная пропаганда сосредоточила свое внимание на критике А. Ахматовой и М. Зощенко, на борьбе против «гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности». Значительно меньшее критическое внимание было обращено на то, что в журнале «Звезда» стали появляться «произведения, культивирующие не свойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада»². Однако именно это положение постановления в условиях нараставшей «холодной войны» и углубляющегося отхода политического руководства СССР от процесса мирового развития, разрыва связей с союзниками по антигитлеровской коалиции становилось предметом особого внимания сталинского руководства.

С конца 1946 г. начинается массированная кампания борьбы за «утверждение советского патриотизма» против «глетворного» влияния Запада, за «перевоспитание» интеллигенции, деятелей науки и культуры. Основным идеологом и проводником этой кампании по поручению Сталина вновь стал А. А. Жданов. Под его руководством и при непосредственном участии в марте 1947 г. принимается постановление Совета Министров СССР «О Судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах»³, в июне 1947 г. проводится философская дискуссия с критикой книги Г. Ф. Александрова по истории западноевропейской философии⁴, принимаются новые законы о государственной тайне и секретности⁵, завершается подготовка дела профессоров Н. Г. Ключевой и Г. И. Роскина. Обвинение против последних и было использовано как предлог для внедрения во все партийные организации страны, всю систему государственных учреждений и ведомств, в сознание отдельных коммунистов и граждан под видом борьбы против раболопия и низкопоклонства перед иностранщиной курса на обособление Советской страны от путей мирового развития, на пропаганду лидирующего положения «первого в мире социалистического государства» в мировом прогрессе.

Дело профессоров Н. Г. Ключевой (1898—1971) и Г. И. Роскина (1892—1964) является одной из важных страниц истории советской науки, повествует о судьбах отечественной интеллигенции. Процесс утверждения идеологического диктата был организационно закреплён «закрытым письмом ЦК ВКП(б) по делу профессоров Ключевой и Роскина» (См. док. № 1). Его разработка партийным аппаратом и проведение в условиях строгой секретности служили делу мобилизации всех партийных организаций страны и административно-государственной номенклатуры, Советской Армии и молодежных организаций и т. п. на осуществление тотального контроля за работой ученых, деятельностью интеллигенции. Лишь на этой основе стали возможны развернувшаяся впоследствии борьба с космополитизмом, проведение «научных дискуссий», спекуляция на патриотических чувствах народа, отход от разумного международного сотрудничества, углубление «холодной войны». В результате проведения «судов чести» был поставлен за-

² О журналах «Звезда и Ленинград». Из постановления ЦК ВКП(б) 14 августа 1946 г. М., 1953, с. 4.

³ См. Известия ЦК КПСС, 1990, № 11, с. 135.

⁴ См. Е с а к о в В. Д. К истории философской дискуссии 1947 г. — Вопросы философии, 1993, № 2, с. 83 — 106.

⁵ См. Правда, 10 июня 1947 г.

слон любому проявлению инакомыслия, осуществлен контроль за направлениями научных исследований.

Трагична судьба самих участников первого суда чести. Хотя Ключева и Роскин не были арестованы, ярлык «сомнительных граждан» многие годы препятствовал их научной деятельности в области биотерапии рака. В связи с этим делом был репрессирован В. В. Парин (1903—1971). Но сразу после смерти Сталина его амнистировали, а затем и реабилитировали. В дальнейшем он стал организатором Института медико-биологических проблем, был избран академиком АН СССР, явился одним из основоположников космической биологии.

Член-корреспондент Академии медицинских наук СССР микробиолог Н. Г. Ключева и профессор Московского государственного университета заведующий кафедрой цитологии и гистологии Г. И. Роскин в течение ряда лет разрабатывали принципиально новый биотерапевтический метод лечения онкологических заболеваний. К 1946 г. они достигли определенного успеха в создании лекарства, хотя и требовавшего дальнейшего совершенствования, но уже обладавшего противоопухолевой активностью. Сам принцип действия препарата составлял предмет открытия. Исследовательская часть работы ученых, имеющей общебиологическое значение, публиковалась, была известна научному сообществу и вызывала большой интерес. Рукопись книги была подготовлена к изданию. В СССР работа Н. Г. Ключевой и Г. И. Роскина по биотерапии рака расценивалась как большой успех советской науки.

В целях пропаганды за рубежом достижений отечественной науки обсуждался вопрос о передаче рукописи книги Ключевой и Роскина для параллельного издания в США, что соответствовало духу взаимодействия стран — союзников в недавней войне и вообще не было исключительным событием в практике международного научного сотрудничества. Однако в условиях сложившейся в стране жесткой регламентации всех сторон деятельности и уже упоминавшейся неудовлетворенности политического руководства результатами начала кампании против интеллигенции факту научного сотрудничества между учеными СССР и США, вниманию, проявленному американцами к работам Ключевой и Роскина, была дана неожиданно острая политическая оценка.

Проследив развитие событий вокруг так называемого дела «КР», можно лучше понять механизм принятия партийных решений в условиях тоталитарного государства. Формирование «дела» аппаратом ЦК ВКП(б) позволяет раскрыть его суть как способ влияния на общественное сознание, как инструмент управления общественным мнением.

Как известно, научно-исследовательская работа в СССР в условиях завершения войны и ущерба, нанесенного стране, была сильно затруднена. Успех ее существенно зависел не столько от реального вклада в науку, сколько от государственной поддержки — единственного источника финансирования работы. Поэтому естественны обращения советских ученых в самые высокие государственные и партийные инстанции.

В рассматриваемом случае Н. Г. Ключева и Г. И. Роскин в декабре 1945 г. в краткой справке-памятке «О раке и его лечении» обобщили современные методы лечения этого заболевания, собственные работы, организационные и материальные трудности на

пути их дальнейшего развития⁶. По совету одной близкой знакомой, старого члена партии, Н. Г. Ключева написала к этой справке сопроводительное письмо на имя заместителя председателя Совнаркома СССР А. И. Микояна в надежде, что его вмешательство «сразу даст вопросу необходимый размах»⁷. Но подготовленные материалы, как она в дальнейшем отмечала, «по скромности»⁸ не были посланы.

В марте 1946 г. на общем собрании Академии медицинских наук СССР Н. Г. Ключева и Г. И. Роскин выступили с докладом, в котором объявили об открытии вещества, специфически действующего на клетки раковой опухоли. Сообщение об этом было опубликовано в центральной прессе⁹. И буквально на следующий день, 15 марта 1946 г., бывший заведующий Нижегородским здравотделом В. Н. Викторов направил своему давнему знакомому А. А. Жданову письмо, в котором просил секретаря ЦК ВКП(б) найти возможность вызвать ученых и оказать «большую услугу советской науке»¹⁰. К этому письму были приложены послание А. И. Микояну и справка-памятка. Жданов не принял ученых, но по его представлению материалы Викторова, Ключевой и Роскина были внесены на рассмотрение Секретариата ЦК ВКП(б) 3 апреля 1946 г. В его постановлении министру Здравоохранения СССР Г. А. Митереву поручалось рассмотреть представленный материал, «по существу, принять по нему необходимые меры и о результатах сообщить ЦК»¹¹. На выписке из протокола первоначально имелась лишь отметка, что решение послано только Митереву, но позднее была указана фамилия еще одного адресата — «Поскребышев»¹². Проблема привлекла внимание Сталина.

Министр здравоохранения оперативно отреагировал на решение ЦК. Уже 22 апреля 1946 г. он «сов. секретно» сообщил секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову, что «для обеспечения препарата проф. Ключевой Н. Г. и Роскина Г. О. организована и приступила к работе спец. лаборатория при Центр. институте эпидемиологии и микробиологии», что АМН СССР предложено создать отдел по теоретическому изучению проблемы биотерапии рака и что в Совмин СССР направлено ходатайство об импорте необходимой для лаборатории аппаратуры»¹³.

Создавалось впечатление, что меры для нормализации работы ученых были приняты — определен необходимый штат научных сотрудников, выделено помещение для лаборатории. Но, как писали Ключева и Роскин Жданову 15 ноября 1946 г., «помещение мы получили без возможности организовать там виварий для экспериментальных животных и стационар для наших больных; еще важнее, что мы по-прежнему лишены самой необходимой аппаратуры и реактивов. Мы работаем в постыдных условиях научной нищеты»¹⁴.

⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 117, д. 598, л. 119 — 122.

⁷ Там же, л. 118.

⁸ Там же, л. 117.

⁹ См. Известия, 14 марта 1946 г.

¹⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 117, д. 598, л. 117.

¹¹ Там же, оп. 116, д. 256, л. 13.

¹² Там же, оп. 117, д. 598, л. 115. Поскребышев А. Н. — секретарь И. В. Сталина.

¹³ Там же, л. 123.

¹⁴ Там же, ф. 77, оп. 3, д. 148, л. 7.

В справке — памятке от декабря 1945 г., о которой упоминалось выше, Клюева и Роскин обращали внимание руководства страны на сообщение прессы о создании в США крупного института по изучению рака. При его организации использовались принципы, зарекомендовавшие себя в исследованиях атомной энергии¹⁵. Получая широкую поддержку американского правительства, Национальный раковый институт США стремился мобилизовать наиболее перспективные направления по борьбе с онкологическими заболеваниями. Большой интерес был проявлен и к работе советских ученых.

20 июня 1946 г. Институт эпидемиологии, микробиологии и инфекционных заболеваний АМН СССР, в котором Клюева и Роскин вели исследования по разработке противораковой вакцины, посетил посол США в СССР Смит. Визит был организован в строгом соответствии с существовавшими тогда правилами общения с иностранцами и санкционирован министром здравоохранения СССР Г. А. Митеревым, согласовавшим это посещение с МИД СССР (Г. Н. Зарубиным и заместителем министра С. А. Лозовским).

Когда через полтора месяца факт беседы американского посла с Клюевой и Роскиным заинтересовал политическое руководство, заместитель начальника Управления кадров ЦК ВКП(б) А. И. Андреев в специальной записке секретарям ЦК ВКП(б) А. А. Жданову, А. А. Кузнецову, Н. С. Патолычеву и Г. М. Попову от 3 августа 1946 г. подтвердил согласованность встречи американского посла с учеными и сообщил, что разговор происходил в кабинете директора института в присутствии профессора В. Д. Тимакова и представителя Красного Креста, что в лаборатории Клюевой и Роскина Смит не был. Но «и Смит, и переводчик его были хорошо осведомлены об открытиях профессором Клюевой и Роскина и об их работе. Из вопросов, из грамотного и правильного употребления узкоспециальных терминов было видно, что Смит хорошо знает историю открытия и его значение»¹⁶. В заключение констатировалось, что «заместитель министра Государственной безопасности СССР т. Огольцов считает, что беседа Смита с профессорами Клюевой и Роскиным организована была нормально»¹⁷.

Предложение американского посла состояло в организации реального сотрудничества по выработке противораковой вакцины: «Во имя человечества в борьбе против рака объединить усилия американских и советских ученых»¹⁸. Было предложено, чтобы профессор Клюева и Роскин дали свои идеи и концепции, а американцы поставляли оборудование. Более того, необходимую американскую технику обещали доставлять самолетами¹⁹.

В условиях послевоенного восстановления высказанное предложение было весьма заманчивым. 6 июля 1946 г. Клюева и Роскин были вызваны в Министерство здравоохранения СССР, где им официально объявили, что принято решение открыть сущность метода американским ученым, принять предложение посла о сотрудничестве и согласиться на предложение американцев прислать лабораторное оборудование²⁰.

¹⁵ Там же, ф. 17, оп. 117, д. 598, л. 122; Медицинский работник, 20 ноября 1945.

¹⁶ РЦХИДНИ, ф. 77, оп. 3, д. 147, л. 1.

¹⁷ Там же, л. 2.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, д. 148, л. 7.

²⁰ Там же, л. 2.

Последовавшее затем посещение лаборатории Ключевой и Роскина американскими учеными Мед и Лесли было организовано Всесоюзным обществом культурной связи с зарубежными странами (ВОКС). Кроме того, к ним неоднократно обращались с предложениями о сотрудничестве из Национального ракового института США, сообщали о готовности направить в Москву сотрудников этого института, но Ключева и Роскин отмахивались.

Упомянутая выше записка А. И. Андреева «об обстоятельствах посещения американским послом в СССР Смитом Института эпидемиологии, микробиологии и инфекционных заболеваний» поступила к А. А. Жданову в дни, когда при его активнейшем участии разрабатывался новый идеологический курс, одним из направлений которого становилась борьба с низкопоклонством перед современной буржуазной культурой. Идеолог не согласился с оценкой Управления кадров ЦК и МГБ в том, что встреча посла США с учеными была организована нормально. На этой записке он написал резолюцию В. Г. Деканозову — одному из ближайших сподвижников Берии, исполнявшему в то время и обязанности заместителя министра иностранных дел СССР: «Прошу ознакомиться с материалом и дать свое заключение. Я думаю, что Смита не нужно было пускать в институт. 7/VIII. Жданов»²¹. Секретарь ЦК не просто запрашивает мнение, а практически предопределяет ожидаемый ответ. С этой резолюции и начинается формирование дела «КР», о котором в то время еще не догадываются ученые и которое идет параллельно их усилиям по созданию противоракового препарата.

Ответ А. А. Жданову был подготовлен ответственными работниками МИД СССР Г. Н. Зарубиным и С. К. Царапкиным. Обходя вопрос о санкционировании визита посла США, они писали, что «за последнее время имеется ряд случаев, когда иностранные представители, особенно американцы и англичане, устанавливают непосредственный контакт с отдельными советскими учеными, исследовательскими институтами, библиотеками и пр. Министерство иностранных дел узнает о таких случаях пост-фактум»²². Отражая желание «заказчика», они предлагали: а) «безусловно, надо отказаться от предложения Смита...» и б) ввиду «активных домогательств американцев» поручить министру здравоохранения Митереву принять «соответствующие меры предосторожности к недопущению просачивания какой-либо информации об этом препарате»²³.

Наряду с этим мидовцы вынуждены были констатировать, что вопрос о посещении послом США лаборатории Ключевой совпал по времени с получением от американцев приглашения «послать на съезд в США наших 8—10 хирургов и, кроме того, мы поставили перед американцами вопрос — выделить визу нашим четырем специалистам в области болезни рака. В этих условиях вряд ли было бы целесообразно отказывать Смигу в беседе с проф. Ключевой»²⁴.

Но вопросы организации взаимовыгодных научных связей не интересовали политических руководителей, а с высказанными предложениями Деканозов согласился и представил их 12 августа на утверждение Жданова. Напомним, что именно в эти дни последний был целиком поглощен доработкой по сталинским указаниям

²¹ Там же, д. 147, л. 2.

²² Там же, л. 4.

²³ Там же.

²⁴ Там же, л. 5.

постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград». Позднее Андрей Александрович начал «вдалбливать» смысл постановления в сознание ленинградских писателей. Лишь 31 августа, ознакомившись с предложениями МИДа, Жданов вернул их Деканозову с резолюцией: «Считаю правильными Ваши предложения. Надо показать тов. Молотову В. М.»²⁵. Краткую справку на имя Молотова было поручено подготовить также Зарубину и Царапкину.

Дальнейшее развитие событий связано с поездкой советских медиков в Америку, и прежде всего с командировкой академика-секретаря Академии медицинских наук СССР В. В. Парина. Его поездка была одобрена Секретариатом ЦК ВКП(б)²⁶ и осуществлялась в соответствии с постановлением Совета Министров СССР для продолжения взаимного обмена научной медицинской информацией²⁷. Поездка вновь показала широкие возможности научного сотрудничества с американскими медиками. В результате контактов В. В. Париным были получены новые печатные научные труды, новые лекарственные препараты, химикалии, приборы, медицинские инструменты и другие материалы. Взаимность требовала передачи американским учреждениям аналогичных материалов. В распоряжении В. В. Парина были образцы препаратов круцина (КР), предложенного Н. Г. Ключевой и Г. И. Роскиным для лечения рака, и эритроина, открытого Л. А. Зильбером²⁸.

В документах факт получения Париним отмеченных препаратов имеет различные трактовки. Остановимся на той, которая была высказана Ключевой в беседе со Ждановым 28 января 1947 г. Н. Г. Ключева, как свидетельствует запись этой беседы, сказала: «Парину перед его отъездом в Америку объявили в Министерстве здравоохранения, что решено рассекретить открытие Ключевой и Роскина и в Америке он может о нем рассказать. Дали ему рукопись книги Ключевой и Роскина. Ключева и Роскин предупредили Парина, что технологический процесс они из книги изыали и дают ему отдельно. Предоставили ему также образцы препарата. При этом в Министерстве сослались на то, что будто бы запросил книгу и образцы препарата В. М. Молотов.

Тов. Жданов замечает, что В. М. Молотов сам лично интересовался этим делом, а вовсе не давал указания о передаче всего этого американцам.

— В Министерстве здравоохранения нам сказали, что это для передачи»²⁹.

Внешнеполитический аспект истоков дела «КР» представляется нам заслуживающим внимательной разработки, хотя в дальнейшем он был практически исключен из рассмотрения.

Осенью 1946 г. Генеральная ассамблея Организации Объединенных Наций специально рассматривала вопрос о направлениях международного сотрудничества. 29 октября 1946 г. на ее пленарном заседании с речью «Советский Союз и международное сотрудничество» выступил В. М. Молотов. Один из разделов речи был посвящен атомной бомбе, что невозможно было осветить, обходя вопрос об участии ученых. «Даже в атомном деле, — говорил Молотов, — нель-

²⁵ Там же, л. 4.

²⁶ Там же, ф. 17, оп. 116, д. 268, л. 114.

²⁷ См. Наука и жизнь, 1988, № 1, с. 108.

²⁸ Там же.

²⁹ РЦХИДНИ, ф. 77, оп. 3, д. 149, л. 3 — 4.

зя рассчитывать на монопольное положение какой-либо одной страны. Науку и ее носителей — ученых — не запрешь в ящик и не поодишь под замок. Иллюзии на этот счет пора бы уже отбросить»³⁰.

Столь определенно высказанное одним из, казалось бы, самых влиятельных руководителей Советского государства мнение о международном характере науки и необходимости научного сотрудничества ученых различных стран не могло не привлечь внимания зарубежных исследователей и дипломатов.

В начале ноября 1946 г. Молотов не как частное лицо, проявившее интерес к новому открытию, а как глава советской делегации на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, запрашивает Министерство здравоохранения СССР о возможности передачи американцам сведений об открытии К्लюевой и Роскина. Для решения этого вопроса Министерство решило обратиться непосредственно к Сталину. Среди документов личного фонда Жданова сохранился текст шифрограммы, которую Министерство здравоохранения СССР «сов. секретно» направляло 14 ноября 1946 г.:

«Товарищу Сталину

Товарищ Молотов запрашивает о возможности передачи американцам рукописи книги Роскина и К्लюевой «Биотерапия рака», а также препарата К्लюевой—Роскина для лечения рака. Книга печатается у нас для широкого опубликования. Академик Парин, находящийся в США, сообщает что группа врачей-онкологов, посланная [в] Америку, получает широкую и нужную им информацию от американских врачей и учреждений по раку. Наши ученые-специалисты считают возможным передать американцам для дальнейшего экспериментального изучения. Министерство здравоохранения это поддерживает.

Просим дать Ваши указания.

Заместитель министра здравоохранения СССР *Кузнецов*³¹.

Причину задержки шифрограммы Минздрава Жданов через месяц так объяснит в записке, направленной другому секретарю ЦК А. А. Кузнецову: «Направляю проект телеграммы в адрес тов. Сталина, составленный Кузнецовым, зам. Митерева, и задержанный нами в связи с созданием комиссии по вопросам препарата К्लюевой — Роскина. Все материалы Павленко передал тов. Поскребышеву. Может быть, понадобится и этот проект телеграммы, которую пересылаю Вам. Привет! Жданов. 21/ХП»³².

Создание комиссии Политбюро ЦК ВКП(б), обобщение в аппарате ЦК сведений о лаборатории К्लюевой и Роскина, критика министра здравоохранения Митерева за невыполнение решений Секретариата ЦК о помощи ученым и т. п. привели к тому, что Минздрав СССР не ответил на запрос Молотова. 26 ноября 1946 г. рукопись книги К्लюевой и Роскина и разработанный ими препарат были все же переданы американцам. Осуществленная без «высочайшего разрешения» при организации дела «КР» эта передача была расценена как криминальная. Вскоре после возвращения из поездки в феврале 1947 г. В. В. Парин был арестован.

Вокруг работы К्लюевой и Роскина создалась противоречивая

³⁰ Молотов В. М. Вопросы внешней политики. Речи и заявления. Апрель 1945 — июнь 1948. М., 1948, с. 262.

³¹ РЦХИДНИ, ф. 77, оп. 3, д. 147, л. 9.

³² Там же, л. 8. Павленко А. С. — заместитель начальника Управления кадров ЦК ВКП(б).

ситуация. С одной стороны, разработке препарата против рака придается все большее значение. Принимается специальное постановление Совета Министров СССР о лаборатории Клюевой и Роскина, ударными темпами идет строительство для нее здания на 1-й Мещанской улице (оно курируется ведомством Берия), пополняется кадровый состав лаборатории (также под контролем того же ведомства). С другой — идеологи тотального контроля в ЦК ВКП(б) усматривают в случившемся возможность организации публичного осуждения профессоров — представителей советской интеллигенции, получающих всяческую поддержку партии и правительства, но забывающих о том, что абсолютное право распоряжаться результатами их труда принадлежит социалистическому государству, и только ему. Предосудительной также отныне считается проявляемая самими учеными забота о признании их на буржуазном Западе. Возглавлявшие эту кампанию А. А. Жданов и К. Е. Ворошилов, как свидетельствуют записи их бесед с учеными и руководством Минздрава СССР, вели по существу следствие, цель которого дискредитировать ученых. Так, во время продолжительной беседы с Клюевой Жданов неоднократно возвращался к визиту американского посла Смита в ее лабораторию и завершил беседу, лишь когда Клюева признала возможность расценивать весь ее разговор со Смитом как попытку вербовки со стороны последнего³³. В ЦК партии приглашались для консультаций и представители медицинской науки.

В феврале 1947 г. в Кремле было проведено специальное заседание, на котором председательствовал А. А. Жданов и присутствовал И. В. Сталин. Некоторое представление о ходе обсуждения дают воспоминания профессора Я. Л. Рапопорта, построенные на рассказах Г. И. Роскина³⁴. Нам не удалось пока получить документального подтверждения изложенной им версии. Но мы согласны с предположением о том, что именно на этом заседании Сталин заявил о недоверии В. В. Парину.

Во всей полноте политический аспект дела «КР» может быть освещен лишь после того, как станут доступными материалы Политбюро ЦК, личный фонд Сталина и другие документы Президентского архива. Но уже сейчас можно многое восстановить по вновь открывшимся документальным материалам. Различные моменты обсуждения дела «КР» в верхнем эшелоне власти и отдельные высказывания и предложения по этому вопросу Сталиным зафиксированы в одной из записных книжек А. А. Жданова. Эти записи позволяют проследить последовательность развития событий весной 1947 г. Вот некоторые из собственноручных записей Жданова:

«Разницу надо провести между Клюевой и Роскиным. Роскин говорит, что можно рассчитывать на 6—8 м [есяцев], а Клюева отрицала. Привлечь людей из других городов — из Киева, Л[енингра]да, из Института Роскина, их лаборантов.

Организация суда.

О Парине размазать погуще...

Вдолбить, что за средства народа должны отдавать все народу.

Суд чести должен постановить.

Суды чести в 8 — 10 министерствах на май.

³³ Там же, д. 149, л. 9.

³⁴ См. Наука и жизнь, 1988, № 1, с. 103—104.

Хорошенько подготовить.

М[инистерство] Здрав[оохранения]. Организация дела, министр в суд. **Материалы**. Суд рассматривает — выносит постановление, производит расследование. Вызывает свидетелей. Назначает заседание суда, об организации аудитории...

...1) Не стопроцентные

не полноценные
ученики

2) С Петра немцы, французы

У крестьян больше достоинства и духа, чем у Клюевой.

Не хватает собственного достоинства.

Непонимание роли, которую разыграла Россия.

Расклевать преувеличенный престиж Америки с Англией...

10 дней можно дать на следствие...

Надо широко публиковать насчет разведки, чтобы не только чиновники знали, но и народ...

Академию медиц. наук подчинить наркомун...

Не нарком их вел, а они вели с Париным наркома

Обстоятельства отправки Парина в Америку...

Это надо в обвинение

Аргумент Парина вышибить из рук...

Обвинительное заключение посмотреть...

Письмо ЦК подготовить насчет зарубежных командировок...

Во все республики послать, чтобы организовали слежку...

В письме изобразить, что агенты...

Закрытое письмо обкомам, министрам, парторганизациям министерств о Клюевой и Роскине...

Выступить. Не быть статистиком...

О Судах чести поручить **Суслову**...

О внедрении в лабораторию **К. Р.**³⁵

Мы видим: немало внимания уделил ведущий идеолог этим ученым, немало планов связывал с их «делом».

Важным этапом начального периода идеологического наступления на интеллигенцию явилось принятие разработанного по поручению Сталина совместного постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О Судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах». В нем предписывалось «в первую очередь в двухнедельный срок организовать Суды чести в Министерстве здравоохранения, Министерстве торговли и Министерстве финансов». Суды чести были призваны содействовать «делу воспитания работников государственных органов в духе советского патриотизма и преданности интересам Советского государства... для борьбы с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника». На них возлагалось «рассмотрение антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных проступков и действий, совершенных руководителями, оперативными и научными работниками министерств СССР и центральных ведомств, если эти проступки и действия не подлежат наказанию в уголовном порядке»³⁶. Всего

³⁵ РЦХИДНИ, ф. 77, оп. 3, д. 177, л. 11 — 13 об., 19 об. — 20 об., 26 об., 32 об. — 34, 40 — 43, 46, 56 (В деле имеется четыре записные книжки, каждая с самостоятельной нумерацией).

³⁶ Известия ЦК КПСС, 1990, № 11, с. 135.

в 1947 г. было организовано 82 суда чести³⁷, и абсолютное большинство их после обсуждения закрытого письма ЦК.

Жданов выполнил и поручение подготовить письмо секретарям обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий об усилении слежки за приезжающими иностранцами. Первоначально подготовленный текст не устроил его, и эта директива (за исключением п. 3) была им сформулирована заново. ЦК ВКП(б) обращал внимание на то, что «за последнее время иностранные разведки, особенно английская и американская, стремятся расширить свою работу в СССР как по линии шпионажа, так и по линии собирания всякого рода материалов для организации антисоветской клеветы и пропаганды. В этих целях иностранные разведки прежде всего используют легальные возможности дипломатических представителей в СССР, иностранных корреспондентов, а также различного рода научные и культурные делегации». Партийные организации обязывались 1) «покончить с беспечностью и ротозейством, а тем более с низкопоклонством в отношении приезжающих иностранцев», 2) «обеспечить соблюдение государственной тайны», особенно на местах, и 3) «обеспечить через соответствующие организации слежку за пребыванием иностранцев в республике, крае, области, городе, с тем чтобы знать о каждом их шаге и предупреждать возможность их встречи с людьми болтливыми, не умеющими хранить государственную тайну, склонными к раболепию перед иностранцами и другими нежелательными для нас элементами». Секретарям предписывалось подтвердить получение этой директивы и «лично удостовериться в эффективности принятых мер»³⁸. Мы не знаем точной даты принятия этого письма и его рассылки, но его роль как необходимого элемента всего комплекса проводимых мероприятий несомненна.

Окончанием подготовительного этапа дела «КР» следует считать 7 мая 1947 г., когда А. А. Жданов завершил формулирование обвинений в адрес профессоров Ключевой и Роскина. В этот день он написал Сталину:

«Направляю Вам составленный мною проект обращения парткома Министерства здравоохранения в адрес министра Смирнова о привлечении проф. Ключевой и Роскина к суду чести»³⁹.

Сталинское руководство считало себя вправе не запрашивать мнение партийных организаций по обсуждавшемуся вопросу, а навязывать им свое решение. Подготовленный Ждановым проект был включен в пакет документов, прилагаемых к закрытому письму ЦК.

Можно предположить, что написанное Ждановым письмо партийной организации Министерства здравоохранения СССР министру здравоохранения Е. И. Смирнову (см. док. № 2) и было тем документом, который по просьбе Сталина зачитал вслух А. А. Фадеев на приеме писателей в Кремле 13 мая 1947 г., о чем рассказал К. М. Симонов в воспоминаниях «Глазами человека моего поколения»⁴⁰. Воспроизведенные Симоновым высказывания Сталина на этой встрече о необходимости длительной борьбы за утверждение советского патриотизма, против неоправданного преклонения интеллигенции перед заграничной культурой в существенных поло-

³⁷ Там же.

³⁸ РЦХИДНИ, ф. 77, оп. 3, д. 35, л. 3 — 4.

³⁹ Там же, д. 150, л. 1.

⁴⁰ См. Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. М., 1989, с. 129.

жений совпадают с приведенными выдержками из записной книжки Жданова.

В ходе подготовки к «суду чести» над Клюевой и Роскиным, который состоялся 5 — 7 июня 1947 г., Ждановым было написано и собственное заявление председателю суда А. Н. Шабанову с возражениями против показаний Роскина и Клюевой на предварительном заседании суда чести⁴¹. Предварительно он ознакомил с проектом своего заявления Молотова, Берия, Микояна, Маленкова и Вознесенского.

Жданов принял участие и в окончательном редактировании речи общественного обвинителя. На эту роль вместо напрашивавшегося престарелого Н. А. Семашко был выдвинут известный кардиохирург П. А. Куприянов. Но не он сочинил текст собственной речи. Проект речи общественного обвинителя был подготовлен начальником Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) академиком Г. Ф. Александровым, которому позволили заранее как бы несколько реабилитировать себя накануне философской дискуссии, где критиковалась его книга «История западноевропейской философии», новым министром здравоохранения СССР Е. И. Смирновым и Генеральным прокурором СССР К. П. Горшениным⁴² (см. док. № 4). Привлечение к написанию речи общественного обвинителя представителей верхнего эшелона партийно-государственной номенклатуры наглядно показывает полнейшее бесправие обвинявшихся «судами чести» лиц, их абсолютную незащищенность от любых наветов и злостной клеветы.

Когда был поставлен вопрос о широком информировании партийных организаций страны о деле Клюевой и Роскина и превращении суда чести над ними в «образец для подражания», именно Ждановым был написан текст «закрытого письма ЦК ВКП(б) о деле профессоров Клюевой и Роскина»⁴³ (см. док. № 1).

Закрытое письмо и примыкающие к нему документы публикуются впервые.

В. Д. ЕСАКОВ,
доктор исторических наук;
Е. С. ЛЕВИНА,
кандидат биологических наук*

№ 1

ЗАКРЫТОЕ ПИСЬМО ЦК ВКП(б)

Членам и кандидатам ЦК ВКП(б), ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам, горкомам и райкомам партии, министрам СССР, членам коллегий и руководителям центральных ведомств, секретарям парторганизаций министерств СССР и центральных ведомств, всем командующим военных округов и войсковых групп

⁴¹ РЦХИДНИ, ф. 77, оп. 3, д. 151.

⁴² Там же, д. 146, л. 1.

⁴³ Там же, д. 153 (автограф — см. л. 8—16).

* В подготовке документов к печати участвовала также А. В. Есина.

О ДЕЛЕ ПРОФЕССОРОВ КЛЮЕВОЙ И РОСКИНА

Центральным Комитетом ВКП(б) за последнее время вскрыт ряд фактов, свидетельствующих о наличии среди некоторой части советской интеллигенции недостойных для наших людей низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной и современной реакционной культурой буржуазного Запада. Особенно характерным в этом отношении является дело об антипатриотических и антигосударственных поступках профессором Ключевой и Роскина, вскрытое ЦК ВКП(б) и рассмотренное в июне текущего года Судом чести при Министерстве здравоохранения СССР.

Центральный Комитет считает необходимым ввиду большого политического значения этого дела обратиться к партийным организациям, а также к министрам и парторганизациям министерств с настоящим письмом, в котором изложены как обстоятельства дела, так и вытекающие из него выводы и уроки.

ЦК ВКП(б) направляет вам материалы Суда чести при Министерстве здравоохранения СССР по делу Ключевой и Роскина: заявление партийной организации министерства министру здравоохранения, стенограмму первого заседания Суда чести, речь общественного обвинителя на Суде и решение Суда чести.

Из этих материалов видно, что профессора Ключева и Роскин при попустительстве бывшего министра здравоохранения Митерева и при активной помощи американского шпиона — бывшего секретаря Академии медицинских наук СССР Парина передали американцам важное открытие советской науки — препарат для лечения рака. Будучи сомнительными гражданами СССР, руководствуясь соображениями личной славы и дешевой популярности за границей, они не устояли перед домогательствами американских разведчиков и передали американцам научное открытие, являющееся собственностью Советского государства, советского народа. Пренебрегая насущными интересами государства и народа, забыв о своем долге перед Родиной, окружившей их работы заботой и вниманием, Ключева и Роскин лишили советскую науку приоритета (первенства) в этом открытии и нанесли серьезный ущерб государственным интересам Советского Союза.

Из материалов вам станет ясно, что в своем желании угодить иностранцам Ключева и Роскин шли на всевозможные ухищрения. При разборе дела Ключева и Роскин вели себя неискренне и недостойно, не только пытались скрыть факты, но и встали на путь, прямой лжи и обмана, рассчитывая ввести в заблуждение Суд. Перед лицом неопровержимых доказательств они пытались объяснить свои грязные поступки якобы гуманными, «чистыми» побуждениями. Судебное разбирательство, происходившее в присутствии более тысячи работников министерства, вскрыло перед лицом широкого общественного мнения низкий морально-политический уровень этих людей, мелочность и низменность побуждений, руководивших их поступками, отсутствие элементарных понятий о чести и долге советского гражданина.

ЦК ВКП(б) считает, что дело профессором Ключевой и Роскина является не единственным и, стало быть, не случайным явлением и свидетельствует о серьезном неблагополучии в морально-политическом состоянии некоторых слоев нашей интеллигенции, особенно работающей в области культуры.

Такого рода факты тем более должны приковать наше внимание, что еще в прошлом году в известных постановлениях о журналах «Звезда» и «Ленинград» и о репертуаре драматических театров ЦК ВКП(б) обратил особенное внимание на весь вред низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада со стороны некоторых наших писателей и работников искусства. Однако и после этих серьезных предупреждений ЦК ВКП(б) пресмыкание перед иностранщиной имеет распространение и притом в среде даже таких ученых, как Ключева, которая всем — своими знаниями, условиями работы, общественным положением — обязана Советскому государству. Это с особой силой подчеркивает, что дурная опасная болезнь низкопоклонства перед заграницей может поражать наименее устойчивых представителей нашей интеллигенции, если этой болезни не будет положен конец.

Где же коренятся источники этой болезни? Как могли найтись в нашем советском обществе люди, способные пойти на национальное самоунижение, на потерю сознания собственного достоинства, на коленопреклонение перед самыми ничтожными и продажными слугами иностранных капиталистов?

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила народы России от экономического и духовного порабощения иностранным капиталом. Советская власть сделала нашу страну впервые свободным и самостоятельным государством. Создав могучую социалистическую индустрию и передовое колхозное сельское хозяйство, Советское государство добилося экономической самостоятельности. Осуществив культурную революцию и создав свое собственное Советское государство, наш народ разбил цепи материальной и духовной зависимости страны от буржуазного Запада. Советский Союз стал оплотом мировой цивилизации и прогресса. В Великой Отечественной войне социалистический строй продемонстрировал всю силу и превосходство перед капиталистическим строем. Как же перед лицом всемирно-исторической роли, которую играет Советский Союз, могут сохраняться еще в порах могучего советского организма позорные явления пресмыкательства и неверие в силы своего народа? Как могли иметь место в таких условиях настроения раболепия и поклонения перед иностранщиной?

Корни подобного рода антипатриотических настроений и поступков заключаются в том, что некоторая часть нашей интеллигенции еще находится в плену пережитков проклятого прошлого царской России. Господствующие классы царской России в силу зависимости от заграницы, отражая ее многовековую отсталость и зависимость, вбивали в головы русской интеллигенции сознание неполноценности нашего народа и убеждение, что русские всегда-де должны играть роль «учеников» у западноевропейских «учителей». Тем более это относилось к другим национальностям, населявшим царскую Россию, с наукой и культурой которых вовсе не считались. Оторванные от народа и чуждые ему правящие классы царской России не верили в творческие силы русского народа и не допускали возможности, чтобы Россия собственными силами выбралась из отсталости. Начиная с XVIII века Россия была наводнена иностранцами, которые вели себя как представители высшей расы и высшей культуры. Не случайно поэтому, что в XVIII—XIX вв. русское дворянство до того растеряло свой национальный облик и традиции, что забыло русский язык и рабски копировало все фран-

цузское. Позднее преклонение перед французскими нравами и французской культурой сменилось у господствующих классов России низкопоклонством перед немцами.

Наука в России всегда страдала от этого преклонения перед иностранщиной. Неверие в силы русской науки приводило к тому, что научным открытиям русских ученых не придавалось значения, в силу чего крупнейшие открытия русских ученых передавались иностранцам или жульнически присваивались последними. Великие открытия Ломоносова в области химии были приписаны Лавуазье, изобретение радио великим русским ученым Поповым было присвоено итальянцем Маркони, было присвоено иностранцами изобретение электролампы русского ученого Яблочкова и т. д.

Все это было весьма выгодно для иностранных капиталистов, поскольку облегчало им возможность пользоваться богатствами нашей страны в своих корыстных целях и интересах. Поэтому они всячески поддерживали и насаждали в России идеологию культурной и духовной неполноценности русского народа. Русская наука и культура, равно как и наука и культура других национальностей в царской России, развивались и выковывались в беспощадной борьбе со всеми попытками лишить их самостоятельного значения, поставить их на задворках западноевропейской культуры.

Вторым источником раболепия и низкопоклонства является влияние на наименее устойчивую часть нашей интеллигенции капиталистического окружения. Американские и английские империалисты и их агентура не шадят сил для того, чтобы иметь внутри СССР опорные пункты для своей разведки и антисоветской пропаганды. Известно, какие усилия предпринимают иностранные разведчики, чтобы иметь какие-либо очаги влияния внутри нашей страны. Зная, что наши рабочие, крестьяне и солдаты умеют постоять за интересы Советского государства и не позволяют себе совершить поступки, умаляющие честь и достоинство нашей Родины, агенты иностранных разведок усиленно ищут слабые и уязвимые места и находят их в среде некоторых слоев нашей интеллигенции, зараженных болезнью низкопоклонства и неверия в свои силы. Понятно поэтому, что агенты империализма стремятся всячески поддерживать и оживлять вреднейшие пережитки капитализма в сознании людей в целях ослабления Советского государства и идейно-политического разложения наименее устойчивых советских граждан. А дело Клюевой и Роскина наглядно показывает, что именно люди, зараженные рабским духом низкопоклонства перед буржуазной культурой, легко становятся пищей для иностранных разведок.

Какие выводы должны быть сделаны нашими партийными и советскими работниками из дела Клюевой и Роскина?

1. Поскольку низкопоклонство и раболепие перед буржуазной культурой Запада имеет известное распространение, важнейшей задачей партии является воспитание советской интеллигенции в духе советского патриотизма, преданности интересам Советского государства, в духе воспитания несгибаемой воли и характера, в духе способности противостоять любому коварному приему иностранных разведок, готовности в любых условиях и любой ценой защищать интересы и честь Советского государства. Партийные организации должны неустанно разъяснять нашим людям указание товарища Сталина, что даже «последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высоко-

поставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства».

2. Огромное значение, как показывает опыт, в деле воспитания советского патриотизма приобретают Суды чести. Сочетание разбора конкретных проступков людей с политической и воспитательной работой в процессе суда, широкая публичность Судов чести придают огромную моральную силу судебному процессу и делают из Судов чести мощный рычаг нашего политического воздействия, с которым не могут сравниться пропагандистские кампании общего, отвлеченного типа. Это значит, что в лице Судов чести найдена новая и притом острая и действенная форма воспитания нашей интеллигенции, которую необходимо поощрять и развивать.

3. Дело Ключевой и Роскина вскрыло также, что среди некоторых работников нашего государственного аппарата, в том числе и руководящих, имеют место нетерпимое притупление бдительности, благодушие и ротозейство. Перед лицом враждебного капиталистического окружения некоторые наши работники ведут себя не как государственные политические деятели, а как беспринципные аполитичные деляги, утратившие большевистский облик, готовые пасть в сети и оказать любую услугу иностранному разведчику ради пары лстивых, ласковых слов. Если мы хотим, чтобы нас уважали и считались с нами, мы должны прежде всего уважать самих себя. Задача заключается в том, чтобы наши люди научились держать себя с достоинством, как подобает советским людям.

4. Дело Ключевой и Роскина вскрыло также слабость партийно-политической работы в министерствах. Эта работа ведется от случая к случаю, связана главным образом с юбилейными датами и кампаниями, проходит мимо действительно важных фактов жизни министерств и не нацелена на задачи подлинно большевистского воспитания работников министерств. С этим серьезным недостатком в работе парторганизаций министерств надо самым решительным образом покончить.

Центральный Комитет предлагает ознакомить с настоящим письмом и с рассылаемыми материалами членов обкомов и крайкомов партии, членов ЦК компартий союзных республик, членов горкомов и райкомов, а также ознакомить с письмом и обсудить его в партийных организациях министерств СССР, центральных ведомств, высших учебных заведений, академий и научно-исследовательских институтов.

**Центральный Комитет Всесоюзной
Коммунистической партии (большевиков)**

16 июля 1947 г.

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 122, л. 2—3.

ДЕЛО «КР»
(Из истории гонений
на советскую интеллигенцию)

№ 2

ЗАЯВЛЕНИЕ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СССР

Министру здравоохранения СССР тов. Смирнову Е. И.

Партийная организация Министерства здравоохранения СССР располагает данными, которые дают основание считать, что сотрудники Минздрава профессора Ключева и Роскин совершили ряд антигосударственных и антипатриотических поступков, роняющих их честь и достоинство как советских ученых и граждан.

Как известно, профессора Ключева и Роскин, работая в течение более чем 15 лет над созданием противораковой вакцины, добились первых, весьма успешных результатов. Ими создан препарат «КР», первые опыты применения которого для лечения некоторых форм рака дают основания полагать, что дело идет об открытии величайшего научного значения, способном произвести переворот в деле лечения рака, болезни, для излечения которой мировая наука до сих пор не смогла предложить ни одного действенного средства.

Известно далее, что в силу антигосударственных и антипатриотических действий бывшего руководства Минздрава (Митерев) и прямых преступлений бывшего секретаря Академии медицинских наук Парина, оказавшегося американским шпионом, препарат «КР» вместе с технологией его производства в конце 1946 года был передан американцам, что поставило под удар советское первенство (приоритет) в этом открытии и нанесло серьезный ущерб нашим государственным интересам.

В чем состоят недостойные поступки профессоров Ключевой и Роскина?

Они состоят в том, что Ключева и Роскин своими действиями способствовали рассекречиванию препарата «КР» и передаче его американцам.

1. Еще в 1945 г. и в начале 1946 г., когда определились первые успехи в применении препарата «КР» для лечения больных раком, Клюева и Роскин, вместо того чтобы обеспечить секретность своих работ, поскольку открытие находилось в зачаточном состоянии и не прошло всесторонней клинической проверки, встали на путь афиширования своих работ и продвижения сведений о них за границу в целях личной славы. Тем самым к опытам Клюевой и Роскина и к работе их лаборатории было привлечено усиленное внимание иностранной, и в первую очередь американской, разведки.

2. Погнавшись за личной популярностью, Клюева и Роскин оказались совершенно несостоятельными в последующий период, когда они и их лаборатория подверглись подлинной атаке со стороны американской разведки. За короткое время, начиная с июня 1946 г., у Клюевой и Роскина были: американский посол в СССР Смит, американский академик Ваксман, американские профессора Мэд и Лесли. Все они являлись в лабораторию Клюевой и Роскина с настойчивыми требованиями подробной информации о работах Клюевой и Роскина, с откровенными предложениями «помощи» в любых размерах. За эту «помощь», которая, по сути дела, не отличается от подкупа, американцы предлагали «сотрудничество» Клюевой и Роскину с американской противораковой наукой путем передачи американцам препарата «КР», секрета его изготовления со всеми дальнейшими усовершенствованиями.

Эти встречи и переговоры с американцами завершились тем, что с согласия Клюевой и Роскина бывший секретарь Академии медицинских наук Парин, он же американский шпион, получил у Клюевой и Роскина перед поездкой в Америку для передачи американцам рукопись «Пути биотерапии рака», описание технологии производства «КР» и 10 ампул самого препарата.

Партийная организация считает такое поведение Клюевой и Роскина недостойным, антигосударственным и антипатриотическим. Работая в советской лаборатории на советские средства, будучи окружены вниманием и заботой советского правительства в течение 15 лет, Клюева и Роскин обязаны были плоды своих научных достижений нести советскому государству, а не иностранцам. Но Клюева и Роскин завели секреты от своего советского государства. Они охотно допускали посещения их лаборатории американцами. Они допускали переговоры, наносившие ущерб интересам советского государства. Они допустили, наконец, позорный и унижительный для чести и достоинства советского гражданина факт вручения Парину для передачи американцам рукописи, технологии и самого препарата, факт, совершение которого означало удар по интересам советского государства и советской науки, поскольку передача секрета изготовления «КР» означала и потерю советского первенства.

3. Партийный комитет считает столь же недостойной со стороны Клюевой и Роскина попытку ввести в заблуждение правительство, обмануть его.

Нам известно, что, когда дело стало предметом разбора в правительстве, Клюева и Роскин, видимо, предвидели, что их поведение может быть признано антигосударственным и при даче объяснений усиленно старались скрыть от правительства истинное положение вещей, уменьшить значимость рукописи, переданной американцам, представить дело так, что рукопись не дает ключа к

технологии производства «КР» и что, поскольку технология производства не была передана Париным американцам, сама передача рукописи якобы не имеет значения. Партком располагает данными, что рукопись содержит все необходимые материалы для производства необходимых опытов и, следовательно, рассекречивает технологию. Таким образом, заверения Ключевой и Роскина, особенно Ключевой, являются ложными, рассчитанными на обман советского правительства.

Следует также отметить, что за услугу, оказанную американцам в рассекречивании «КР», профессора Ключева и Роскин, по сведениям парткома, получили подарок — взятку в виде двух свертков вещей от американского разведчика Лесли, причем Ключева и Роскин все еще держат это дело в секрете.

Принимая во внимание все вышеизложенное, партийный комитет Министерства здравоохранения СССР считает, что профессора Ключева и Роскин совершили недостойные советских граждан, порочащие честь и достоинство советского государства и советской науки антигосударственные, антипатриотические проступки.

Профессора Ключева и Роскин предпочли связи с американцами обращению в советское правительство, а передачу своего открытия за границу скрывали от правительства, пытаясь его обмануть и затушевать все серьезные последствия этого недостойного дела.

Передача американцам открытия проводилась под флагом лжегуманизма, ибо рассуждения о том, что медицинская наука должна руководствоваться гуманными соображениями, не могут служить оправданием совершенных поступков. Всем известно, что американцы никогда не передавали и не передают другим странам ни своих медицинских открытий, ни препаратов, пренебрегая гуманными соображениями, а русским они отказывают нередко в продаже даже тех препаратов, которые давно уже вошли во всеобщее употребление и свободно продаются другим странам. Все это не могли не знать профессора Ключева и Роскин, и все это, однако, не помешало им передать американцам плоды своих многолетних трудов, являющиеся достоянием советского народа, советского государства.

Партийный комитет Министерства здравоохранения СССР считает, что проступки профессоров Ключевой и Роскина подпадают под действие Суда чести. Исходя из этого партийный комитет считает необходимым привлечь профессоров Н. Г. Ключеву и Г. И. Роскина к Суду чести при Министерстве здравоохранения СССР.

Секретарь парткома

Члены парткома:

Майский

**Шабанов,
Сычев,
Ильина,
Фокина,
Масиевич,
Неупокоева,
Гребенникова.**

РЦХИДНИ, ф. 17, д. 258, оп. 122, л. 4 об. — 5.

**СТЕНОГРАММА ПЕРВОГО ЗАСЕДАНИЯ СУДА ЧЕСТИ
ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СССР**

5 июня 1947 г.

Состав Суда чести: тов.

А. Н. Шабанов — председатель
Н. А. Семашко
И. П. Разенков
С. А. Саркисов
М. Д. Ковригина
И. Н. Майский
Бузынкина

Общественный обвинитель — проф. П. А. Куприянов

Председатель. Товарищи, прошу занять места.

Открытое заседание Суда чести Министерства здравоохранения Союза Советских Социалистических Республик по делу профессоров Ключевой и Роскина, обвиняемых в антигосударственных и антипатриотических поступках, считаю открытым.

14 мая 1947 года министр здравоохранения СССР т. Смирнов Е. И. направил в Суд чести заявление партийного бюро Министерства здравоохранения Союза следующего содержания (заявление прилагается).

В тот же день министр здравоохранения СССР тов. Смирнов направил следующее письмо председателю Суда чести при Министерстве здравоохранения СССР: «Направляю Вам предложение партбюро Министерства здравоохранения СССР о привлечении к Суду чести профессоров Ключевой и Роскина за антигосударственные и антипатриотические поступки. С заключением, изложенным в записке партбюро, согласен. Смирнов».

Следствие Суда чести при Министерстве здравоохранения СССР в составе председателя Суда чести члена коллегии Министерства здравоохранения СССР доцента Шабанова и членов Суда действительных членов АМН проф. Семашко, проф. Разенкова, члена-корреспондента АМН проф. Саркисова, заместителя министра здравоохранения СССР тов. Ковригиной, секретаря партийного комитета Министерства здравоохранения СССР тов. Майского, ответственного секретаря ЦК Союза медсантруд Центра т. Бузынкиной за период с 14 по 29 мая с. г. изучило поступившее заявление, ознакомилось со всеми материалами по этому делу, опросило обвиняемых профессоров Ключеву и Роскина и свидетелей директора ЦИЭМ тов. Янкевича, директора Института микробиологии АМН проф. Тимакова, бывшего министра здравоохранения СССР Митерева, директора Института им. Мечникова тов. Вебера, доцента Милонова.

Следствием установлено:

1. Проф. Ключева и проф. Роскин, работая в течение ряда лет над созданием противораковой вакцины, добились первых весьма успешных результатов. Ими создан препарат «КР», первые опыты применения которого при лечении некоторых форм рака дают основания полагать, что дело идет о важном научном открытии.

2. Следствием Суда чести установлено, что действительно проф. Клюева и проф. Роскин через бывшего секретаря АМН Парина передали американцам рукопись своей работы «Биотерапия злокачественных опухолей» и препарат «КР» вместе с технологией его производства.

Следствием Суда чести установлено, что передача рукописи и технологии производства препарата «КР» американцам поставила под угрозу советское первенство (приоритет) в этом большом научном открытии и нанесла серьезный ущерб интересам нашего государства.

Следствием Суда чести установлено, что передача рукописи к технологии производства препарата «КР» американцам имела место при активном участии и полном согласии профессоров Клюевой и Роскина. Проф. Роскин при допросе в Суде чести 15 мая с. г. подтвердил это, сказав, что если бы он был противником передачи рукописи, он не отдал бы ее. Вот его заявление: «Внутренне я был за то, чтобы дать рукопись Парину».

3. Следствием Суда чести установлено, что проф. Клюева и проф. Роскин своими действиями способствовали рассекречиванию препарата «КР» при лечении больных раком. Клюева и Роскин, вместо того чтобы обеспечить секретность своих работ, поскольку это открытие находилось в зачаточном состоянии, не прошло всесторонней экспериментально-клинической проверки, встали на путь афиширования своих работ и продвижения сведений о них за границу в целях личной славы.

Так, например, следствием Суда чести установлено, что еще в начале 1945 года проф. Роскиным была направлена в Америку статья «Токсическая терапия экспериментального рака». Эта статья была получена в Америке 29.VI 1945 года и опубликована в № 6 за 1946 год журнала «Канцер реджери». В этой статье проф. Роскин дает первые результаты лечения больных, а также сведения о приготовлении эндотоксина шазотрипана Круци. Кроме того, в 1946 году с согласия Клюевой и Роскина была помещена статья Финна в журнале «Огонек» и статья в газете «Московский большевик» об их работах по биотерапии рака.

Попытки проф. Клюевой и Роскина объяснить афиширование своих работ тем, что кто-то у нас в стране пытался присвоить их приоритет, Суд чести считает совершенно несостоятельными. Так, еще в марте 1946 года проф. Клюева делала доклад о своих работах по лечению рака на президиуме АМН, где эти работы получили положительную оценку.

4. На основании этих и других материалов Судом чести установлено, что такое афиширование научных исследований по биотерапии рака привело к усиленному вниманию к работам Клюевой и Роскина иностранной, и в первую очередь американской, разведки. Погнавшись за личной популярностью, Клюева и Роскин оказались совершенно несостоятельными в последующем, когда их лаборатория подверглась подлинной атаке со стороны американской разведки.

Следствием Суда чести установлено, что за короткое время, начиная с июня 1946 года, их лабораторию посетили американский посол в СССР Смит, американские профессора Мэд и Лесли. Установлено, что эти американцы, посещая лабораторию Клюевой и Роскина, настойчиво требовали подробной информации об их ра-

ботах и делали откровенные предложения о «помощи» в любых размерах.

Эти предложения нельзя расценивать иначе, как попытку подкупа их как ученых.

Так, например, при посещении Мэдом и Лесли лаборатории, по показаниям Роскина от 15.V с. г., Лесли поднял бокал и сказал, обращаясь к Ключевой и Роскину: «Пью за счастливую семью; вы будете миллионщиками». (Оживление в зале.)

Такого же рода предложение было со стороны американского посла Смита. Проф. Роскин заявил следующее: «Спускаясь по лестнице, посол отстал немного от своей группы и тихонько через переводчика сказал мне: если что-нибудь нужно будет переслать в Америку, он всегда к моим услугам, и назвал свой частный телефон».

5. Судом чести установлено, что все эти обещания американцев завершились тем, что с согласия Ключевой и Роскина бывший академик-секретарь Парин, подкупленный американцами, вручил в Америке рукопись «Биотерапия злокачественных опухолей», препарат «КР» и технологию его производства Лесли.

6. Следствием Суда чести установлено, что, когда преступные действия бывшего академика-секретаря АМН Парина разбирались в правительстве, Ключева и Роскин, предвидя, что их действия будут признаны антигосударственными, при даче объяснений умышленно старались скрыть от правительства подлинное положение вещей; они старались уменьшить значение рукописи, переданной американцам, пытались доказать, что рукопись не дает ключа к технологии производства препарата «КР».

Ключева и Роскин своим поведением и заверением в правительстве дали правительству ложные сведения, рассчитанные на обман советского правительства. Они же в правительстве указывали, что рукопись «Биотерапия злокачественных опухолей» не содержит необходимых материалов для рассекречивания технологии препарата «КР» и что передача рукописи якобы не нанесет никакого ущерба приоритету советской медицинской науки.

На заседании Суда чести проф. Роскин 15 мая и 26 мая с. г. показал, что по книге и по статьям можно приготовить препарат «КР», но для этого потребуется время. Проф. Ключева на допросе 27 мая с. г. пыталась ввести Суд чести в заблуждение, указывая, что никакой технологии препарата «КР» нет. На поставленный Судом чести вопрос, какая же технология была передана американцам через Парина, Ключева продолжала быть неискренней и неправдивой. Она на Суде чести заявила, что то, что она через Парина передала американцам, — это наука, а технология — это техника.

На основании представленных материалов, заключения доцента Павлова, опроса свидетелей — директоров институтов Янкевича, Тимакова, Вебера Судом чести установлено, что рукопись содержит все необходимые данные по технологии производства препарата «КР».

7. На основании материалов допроса бывшего академика-секретаря Парина Судом чести установлено, что за услуги, оказанные американцам по рассекречиванию препарата «КР», Ключева и Роскин получили подарки от Лесли в виде двух свертков, причем как Суду чести, так и в процессе следствия Ключева и Роскин сооб-

шили, что они получили из Америки только по карандашу и ручке. (Оживление в зале.)

8. Следствием Суда чести также установлено, что проф. Клюева и проф. Роскин во время судебных следствий пытались представить дело так, что рассекречивание их открытия и его передача американцам были произведены будто бы вопреки их воле и желанию, под административным нажимом бывшего министра здравоохранения Союза ССР Митерева и бывшего академика-секретаря Парина, что, исполняя волю Митерева, Клюева и Роскин предпринимали меры к недопущению передачи.

Суд чести установил, что это заявление Клюевой и Роскина не соответствует действительности. Клюева и Роскин не только не отстаивали секретность своих работ, но, наоборот, они считали необходимым рассекречивание их.

Суд чести установил, что на заседании в Министерстве здравоохранения СССР в начале июля 1946 г., где обсуждался проект договора об условиях передачи препарата «КР» американцам, все участники, в том числе Клюева и Роскин, были за передачу своего открытия американцам. Возражения Клюевой и Роскина касались не принципа, а условий сделки.

9. Не будучи в состоянии отрицать своих антигосударственных и антипатриотических поступков, проф. Роскин и проф. Клюева во время следствия пытались объяснить свои действия чувством «гуманности». На поставленный проф. Роскину вопрос, почему он передал рукопись за границу, он ответил, что руководствовался соображениями гуманности. На письменные вопросы, которые были Судом чести поставлены Клюевой, она дала на этот вопрос путаное и фальшивое рассуждение об идеях гуманизма, уйдя от поставленного перед ней вопроса.

10. Следствием Суда чести установлено, что Клюева и Роскин искажают факты, касающиеся их обращений в ЦК ВКП(б) и к руководителям партии и правительства.

Для подтверждения этого позволю себе зачитать заявление А. А. Жданова Суду чести Министерства здравоохранения Союза ССР от 30 мая с. г.:

«Председателю Суда чести при Министерстве
здравоохранения СССР тов. Шабанову.

Заявление

Ознакомившись с материалами по делу о привлечении профессоров Клюевой и Роскина к Суду чести при Министерстве здравоохранения СССР за антипатриотические и антигосударственные поступки в связи с передачей американцам открытия противоракового препарата «КР», считаю своим долгом заявить Суду чести, что в показаниях профессоров Роскина и Клюевой (см. стенограмму Суда чести от 15 мая 1947 года, ответы профессора Клюевой от 20 мая с. г. на вопросы, поставленные Судом чести, и стенограмму заседания Суда чести от 27 мая с. г.) содержится ряд ложных показаний, извращающих истинное положение вещей и тем самым способных ввести Суд в заблуждение.

В целях восстановления истины я должен сообщить нижеследующее:

1. Проф. Роскин в показаниях от 15 мая утверждает, что на вопрос товарища Сталина, заданный Ключевой и Роскину на заседании правительства 17 февраля 1947 года, содержит ли переданная американцам рукопись «Пути биотерапии рака» сведения, раскрывающие секрет технологии изготовления «КР», Ключева и Роскин якобы ответили, что, пользуясь рукописью, можно приготовить препарат, но для этого потребуется времени один или два года.

Как председательствующий на указанном заседании правительства, я со всей ответственностью заявляю, что это утверждение Роскина прямо противоположно тому, что они заявляли правительству. Ключева на заседании правительства категорически утверждала, вводя в заблуждение правительство, что рукопись не дает ключа к технологии «КР». Позиция Роскина не отличалась, по существу, от позиции Ключевой. Лишь в ходе заседания Роскин в уклончивой форме вынужден был признать, что он допускает предположение, что в течение 6—8 месяцев американцы, руководствуясь рукописью, смогут сделать препарат «КР», но что это якобы не нанесет никакого ущерба работе Ключевой и Роскина и советскому приоритету.

Ключева и Роскин, особенно Ключева, обманывали правительство, утверждая, что рукопись не дает ключа к технологии. Теперь они пытаются обмануть Суд, фальсифицируя свои ответы, данные на заседании правительства.

2. Ключева и Роскин в своих показаниях утверждают, что рассекречивание их открытия и его передача американцам была произведена будто бы вопреки их воле и желанию исключительно под административным нажимом бывшего министра здравоохранения Митерева и Парина; что, исполняя волю Митерева и Парина, они были убеждены, что Митерев и Парин действуют по указанию правительства, и, наконец, что они, Ключева и Роскин, предпринимали меры к недопущению передачи.

Я должен сообщить Суду чести, что эти показания Ключевой и Роскина совершенно не соответствуют действительности и являются вымышленными. Поскольку я по поручению правительства занимался изучением обстоятельств дела о передаче американцам препарата «КР», я должен и в данном случае восстановить истину.

Ключева и Роскин не отстаивали секретность своих работ по «КР». Наоборот, они считали необходимым рассекречивание этих работ. Они пренебрегали секретностью, когда в течение ряда лет занимались широкой публикацией своих работ, привлекая тем самым к себе внимание американской разведки. При разборе обстоятельств передачи американцам рукописи и препарата «КР» в правительстве они отстаивали целесообразность и правильность произведенной передачи. Роскин дошел до того, что оправдывал передачу фальшивыми рассуждениями о «гуманности».

Ключева и Роскин участвовали на заседании в Министерстве здравоохранения в начале июля 1946 года, где обсуждался проект договора между Митеревым и Смитом об условиях передачи препарата «КР» американцам. Как установлено проверкой, на этом совещании все участники, и в том числе Ключева и Роскин, были за передачу своего открытия американцам. Возражения Ключевой и Роскина касались не принципа, а условий сделки.

Ключева и Роскин передали Парину перед его поездкой в Америку препарат, рукопись и технологию «КР» не по приказу, а по

собственному желанию. Об этом говорит сам Роскин в своих показаниях от 15 мая с. г. Клюева и Роскин были недовольны Митеревым не за то, что он разрешил передать «КР» американцам, а лишь за невнимание Минздрава к их лаборатории. Клюева и Роскин не имели никаких претензий и, наоборот, всячески защищали и оправдывали Парина также и после того, как Парин отдал плоды их многолетней работы американцам. Таким образом, утверждение Клюевой и Роскина о борьбе, якобы происходившей между ними, с одной стороны, руководством Министерства здравоохранения — с другой стороны, вокруг вопроса о передаче «КР» американцам, не соответствует действительности. На деле в этом вопросе существовало согласие между Митеревым, Париним, Клюевой и Роскиным.

Клюева и Роскин никогда не обращались в правительство с каким-либо протестом против передачи их работы американцам. Более того, они скрывали от правительства действительное положение вещей и свои намерения. Правительство вскрыло существо дела и сделало надлежащие выводы из этого антигосударственного и антипатриотического дела без какой бы то ни было помощи со стороны Клюевой и Роскина.

Что же касается предположений Клюевой и Роскина о том, что правительство могло оставить советских ученых без защиты или сделать их работы предметом политической игры с какой-либо иностранной державой, то такого рода недостойные предположения не нуждаются в опровержении и свидетельствуют лишь о том, что Клюева и Роскин являются сомнительными гражданами СССР.

3. Клюева и Роскин искажают факты, касающиеся их обращений в ЦК ВКП(б), и в частности ко мне. В первый раз Клюева и Роскин обратились в ЦК в марте 1946 года с заявлением о том, что им плохо помогает Минздрав. ЦК решением Секретариата от 3 апреля 1946 года пошел навстречу Клюевой и Роскину и обязал Митерева принять необходимые меры помощи их лаборатории. Во второй раз Клюева и Роскин обратились в ЦК 15 ноября 1946 года, когда ими в мой адрес была представлена записка, заключавшая в себе жалобы на продолжающееся невнимание со стороны Митерева к их работе и просьбу помочь дооборудовать лабораторию и наладить клиническую работу по «КР». Это письмо рассматривалось в правительстве, и им были приняты все необходимые меры помощи.

Утверждение Клюевой и Роскина, что я якобы вызвал их вскоре после посещения лаборатории американским послом Смитом (июнь 1946 года), не соответствует действительности. Не соответствует действительности также утверждение, что мне якобы была вручена через некоего Шубенкова записка от 25 сентября 1946 года о положении дела с препаратом «КР». Такой записки я не получал.

Впервые я увидел Клеову и Роскина не в марте и в июне 1946 года, как они об этом говорят, а 21 ноября 1946 года. Никогда ни Клеова, ни Роскин не жаловались мне ни письменно, ни устно, что их «собираются отдать американцам».

Только когда рукопись и препарат «КР» через Парина попали в руки американцев, и только после того, как правительство, будучи поставлено перед совершившимся фактом передачи открытия «КР» американцам, приступило к расследованию обстоятельств этого постыдного дела, Клеова и Роскин не по своей инициативе, а по

требованию правительства и перед лицом фактов вынуждены были открыть часть истины. Всей истины они открыть не пожелали. Мало того, они вступили на скользкий путь ложных и фальшивых показаний перед Судом чести.

30 мая 1947 г.

А. Жданов».

На основании вышеуказанного Суд чести пришел к заключению, что факты, поданные в письме партийного бюро Министерства здравоохранения СССР на имя министра здравоохранения, об антигосударственных и антипатриотических поступках профессоров Клюевой и Роскина полностью подтвердили недостойный для советских граждан антипатриотический поступок Клюевой и Роскина. Это подлежит рассмотрению Суда чести в соответствии с постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 28 марта 1947 года за № 748 о Судах чести.

Подписали: Председатель

Суда чести **Шабанов**

Члены Суда чести:

**Семашко, Разенков, Саркисов,
Бузынкина, Майский.**

Суд чести при Министерстве здравоохранения Союза 26 мая 1947 года вынес решение о назначении общественного обвинителя и своим решением предложил назначить общественным обвинителем Суда чести на открытом заседании по обвинению профессоров Клюевой и Роскина в антигосударственных и антипатриотических действиях заслуженного деятеля медицинских наук профессора Куприянова.

Председатель. Профессор Клюева, Суд чести имеет к Вам вопрос: считаете ли вы себя виновной в совершении антигосударственного и антипатриотического поступка?

Клюева. Считаю себя виновной в ряде ошибок, допущенных мною, особенно в процессе сегодняшнего дня, и в частности, в передаче книги Парину, но в поступках антигосударственных, анти-советских, в поступках, которые диктуются сознательной волей, не могу себя признать виновной.

РЦХИДНИ, ф. 17, д. 258, оп. 122, л. 5 об. — 7 об.

№ 4

ИЗ РЕЧИ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ПРОФ. П. А. КУПРИЯНОВА НА СУДЕ ЧЕСТИ 7 ИЮНЯ 1947 г.

... Факт, который мы рассматриваем теперь в нашем Суде чести, приобретает крупное политическое значение также и потому, что советская власть, большевистская партия, наше правительство создали в СССР прекрасные условия и все возможности для плодотворного, успешного ведения научно-исследовательской работы, в том числе работы в области медицины, а товарищ Сталин возложил на советских ученых великую задачу — догнать и превзойти достижения зарубежных ученых.

Почему же в нашей среде оказался возможным антипатриотический поступок советских ученых Ключевой и Роскина?

Почему произошло так, что эти два научных работника не восприняли всей душой, всем своим существом наши советские идеалы?

Надо сказать, что речь идет здесь не только о недостаточном понимании Ключевой и Роскиным своего патриотического долга как советских ученых. Надлежит со всей определенностью отметить здесь, что над сознанием таких людей, как обвиняемые, довлеют худшие пережитки капитализма. Дело в том, что всякого рода антипатриотические воззрения, чувства, унижающие достоинство людей, чувство постоянной зависимости от иностранщины, чувство раболепия и преклонения перед ней долгие и долгие годы вбивали в головы интеллигенции и народа как господствовавшие реакционные классы царской России, так и реакционные зарубежные силы, которым было выгодно поддерживать это рабское чувство преклонения перед всем иностранным среди народов, населявших Россию. Помещики, капиталисты, царские сатрапы никогда не дорожили историческими интересами русского народа, были чужды и враждебны ему, постоянно предпринимали попытки умалить, принизить достижения русского народа и пресмыкались перед всем иностранным. Ведь известно, что в XVIII — XIX веках русское дворянство до того опошшло и принизило русскую культуру, растеряло и распродало национальные традиции народа, что, по сути дела, почти забыло родной язык, начав широко пользоваться в быту и в политической жизни французским языком. Позднее реакционные круги эксплуататорских классов России столь же усердно пресмыкались перед всем немецким, как в свое время дворянство XVIII века — перед французским. Сколько унижений претерпел наш народ из-за этой низменной антинародной политики господствующих реакционных классов царской России! Сколько великих достижений в области культуры, сколько крупнейших научных открытий было из-за раболепия перед иностранщиной продано, передано иностранным государствам или жульнически захвачено их представителями! Неудивительно поэтому, что так часто в истории русской науки приоритет великих открытий, совершенных выдающимися представителями русской науки, переходил затем к иностранным ученым. Вспомните великие открытия в области химии основателя русской науки Ломоносова и попытки приписать приоритет этим открытиям Лавуазье; вспомните изобретателя радио — великого русского ученого Попова и последующие попытки приписать приоритет в открытии радио итальянцу Маркони; припомните открытия Яблочкова, Менделеева и многих, многих других. Разве история русской науки не является убедительным свидетельством того, как все реакционное, готовое поживиться и нажиться за счет труда другого народа, тянулось из-за границы к открытиям русских ученых и при содействии реакционных классов царской России пыталось перехватывать, выкрадывать, присваивать научные и культурные достижения великих русских людей?

Все это говорит о том, что как политика, так и идеология помещиков и капиталистов России была прямым образом направлена на то, чтобы навечно закрепить отсталость России, духовно поработить народ, поставить его в глубочайшую зависимость от других империалистических стран. Это был путь превращения России в

колонию западноевропейского империализма. Понятно, что эта политика господствующих классов России была весьма выгодна для иностранных империалистических государств, для зарубежных империалистов, ибо она облегчала им возможность воспользоваться богатствами России и русского народа в своих корыстных целях и интересах, направленных во вред и в ущерб политическому, экономическому и духовному развитию народов России. Понятно также, сколь выгодно было бы для современных империалистов вновь вызвать к жизни это чувство преклонения перед иностранщиной, сколь выгодно им оживить это, по сути дела, рабское сознание, сознание своей якобы неполноценности и духовную зависимость от капиталистических иностранных государств. Ключева и Роскин не поняли, что «последний советский гражданин, свободный от целей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чиновника, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства» (Сталин. Вопросы ленинизма. 11-е изд., стр. 590).

Отсюда ясно, товарищи, что советские люди не могут считать выполненной до конца задачу строительства социалистического общества, социалистического воспитания нашего народа, задачу осуществления культурной революции в нашей стране, пока у отдельных лиц из среды нашей интеллигенции, из среды наших ученых сохранится этот рабский дух низкопоклонства, раболепия и угодничества перед буржуазной культурой, перед иностранщиной, перед зарубежными империалистами и их слугами.

Вот чем объясняется, товарищи, тот факт, что наша научная общественность, медицинские работники советской страны, как и вся наша интеллигенция, не могут мириться с антипатриотическим поступком Роскина и Ключевой.

Люди, подобные Ключевой и Роскину, выдвигают для оправдания своего вредного для советской науки и советского государства поступка своеобразную «теорию», согласно которой научные открытия в медицине нельзя-де считать секретными, что их надо, мол, как можно скорее предавать гласности и даже передавать за границу в якобы гуманитарных целях, в целях заботы о здоровье человека вообще. Но нет более ошибочной и фальшивой позиции, чем эта позиция! О какой гуманности может идти речь в том случае, когда советские ученые Роскин и Ключева добровольно передают свое открытие представителям империалистического государства, использующего достижения науки в сугубо корыстных, торгашеских целях, в целях увеличения наживы небольшой группы лиц из среднефинансовых воротил, крупных промышленников и коммерсантов? О какой гуманности может идти здесь речь, коль нынешние американские империалисты используют достижения науки в целях создания «теории» превосходства американской расы над всеми другими народами, теории, направленной на оправдание мирового господства Америки на манер мирового господства Гитлера? Какие простачки и наивные люди могут поверить ныне в гуманность империалистических стран, в гуманность шпионов и агентов иностранной разведки, выведывающих, выкрадывающих или обманным путем приобретающих научные открытия других стран? Уместно спросить здесь профессоров Роскина и Ключеву: а разве американские ученые, Соединенные Штаты Америки как государство, предоставили миру какие-либо серьезные научные открытия? Разве американские ученые предоставили советской науке и тем же Ключевой и Роскину

свои изобретения и открытия? Всему миру известно, что американцы используют науку совсем не в гуманных целях, не раскрывают своих научных секретов. Роскин и Ключева это должны хорошо знать. Во всяком случае Роскину и Ключевой известно, что когда одна из сотрудниц их лаборатории заразилась на работе, препарат для лечения из-за границы они получили, но технологию этого препарата им не прислали. Американцы не только не раскрывают нам своих секретов, но они отказывают в присылке и продаже уже готовых средств, препаратов и аппаратуры. Об «американском гуманизме» говорить не приходится, достаточно вспомнить положение негров в Америке...

Уместно напомнить в связи с этим, что еще великий русский писатель Максим Горький отметил, что «гуманизм буржуазии благополучно существовал вместе с рабовладельчеством, работоторговлей, с «правом первой ночи», с церковной инквизицией, с поголовным истреблением «альбигойцев» Тулузы, сожжением на кострах Джордано Бруно, Яна Гуса и десятков тысяч безымянных «теоретиков», «ведьм», ремесленников, крестьян, которые увлекались отзвуками примитивного коммунизма, сохранившимися в библии и евангелии... Гуманизм пролетариата требует неугасимой ненависти к мешанству, к власти капиталистов, его лакеев, паразитов, фашистов, палачей и предателей рабочего класса, ненависти ко всему, что заставляет страдать, ко всем, кто живет на страданиях сотен миллионов людей». Все помнят эти замечательные слова А. М. Горького из статьи «Если враг не сдастся — его уничтожают».

Трудно поверить, товарищи, чтобы кто-либо из советской интеллигенции, из советских ученых не понимал, что истинный, настоящий гуманизм для советского патриота состоит в беззаветном, честном служении своему социалистическому отечеству, в беспредельном укреплении его силы и могущества. Тем более это относится к советским ученым, которые прекрасно знают, что только в нашей советской стране наука по-настоящему и всецело служит интересам народа. Советский ученый должен быть так же горячо и до конца преданным своей родине, должен проявлять такой же беззаветный и последовательный патриотизм, какой проявляли Герои Советского Союза Гастелло и Матросов, Зоя Космодемьянская и Олег Кошевой в своих подвигах во имя нашей советской Родины. И все эти годы советская интеллигенция, советские ученые шли нога в ногу вместе со всем нашим народом. Это — результат той мудрой политики, которую проводила партия большевиков...

Настоящие патриоты советской страны, подлинно великие ученые всегда связывали свою деятельность до конца искренне и честно со своим народом, ибо они, эти ученые, понимали, что все средства и возможности для научного творчества дал им наш народ. Именно советский народ своим героическим трудом создал возможность в настоящее время продолжать двигать вперед нашу научную деятельность, и она должна быть направлена на благо своего же народа.

Но не так, видимо, поняли задачу ученых Ключева и Роскин. Проф. Роскин очень своеобразно понимает долг советского ученого. Для него, например, оказывается, что в Германии ученые работали не на своих настоящих хозяев — круппов, тиссенов, герингов и иных бывших заправил Германии, а сами на себя. «Если бы дело

было в Германии, — говорит он, — там работа ученого принадлежит самому ученому». На вопрос: «Неужели вы думаете, что в Германии это принадлежало бы самому ученому? Разве вы не знаете, что открытия германских ученых обращались против нас с вами?» — ответа не последовало. (Стенограмма от 26 мая 1947 г.)

Неудивительно, что Роскин и Клюева не считали грехом передать иностранцам, за спиной советского государства, труды, принадлежащие нашему народу. Им оказались непонятными вдохновенные слова нашего великого отечественного физиолога и патриота И. П. Павлова: «Что ни делаю, постоянно думаю, что служу этим, поскольку позволяют мне мои силы, прежде всего, моему отечеству». Обращаясь к участникам 15-го Международного конгресса физиологов 17 августа 1935 г., Павлов говорил: «Вы слышали и видели, какое исключительное благоприятное положение занимает в моем отечестве наука. Сложившиеся у нас отношения между государственной властью и наукой я хочу иллюстрировать только примером: мы, руководители научных учреждений, находимся прямо в тревоге и беспокойстве по поводу того, будем ли мы в состоянии оправдать все те средства, которые нам предоставляет правительство».

Не мешало бы Клюевой и Роскину постоянно помнить эти прекрасные слова ученого-патриота; особенно не мешало бы им вспомнить эти слова, когда они передавали свою рукопись шпиону и изменнику родины Парину. Им нужно было также постоянно помнить, что всем своим научным развитием, всем своим авторитетом, всем своим бытием они обязаны советской высшей школе, советским научным учреждениям, своей Родине. Но, видимо, Клюева и Роскин растеряли остатки чести советских ученых, патриотического долга и патриотического советского чувства. Как же иначе оценить тот факт, что Парин по возвращении из Америки привез Клюевой и Роскину в «благодарность» от Лесли «два свертка, по словам Роскина и Клюевой, совсем неценный подарок — автоматическое перо». Ни Роскин, ни Клюева не поняли, что в этот «неценный» подарок было вложено все презрение американцев к советским людям так же, как они выражают его, даря бусы неграм или желая взамен блестящей безделушки получить действительно ценное, на чем можно обогатиться. Ни Роскин, ни Клюева не поняли, что в автоматическом пере заключены чернила, которые грязной кляксой легли на честь и достоинство советских ученых, советских граждан.

Как еще можно оценить иначе просто-таки удивительное заявление Роскина, который считает, что он будто бы следует традициям русской интеллигенции, когда предпочитает публиковать свои труды за границей, а не в Советском Союзе: «Так делали мои учителя, так делали мои прадеды, так делаю и я». (Стенограмма от 15 мая 1947 года, стр. 31)

Так заявляет Роскин. Нет, видимо, Роскин не хочет понять, что настоящие русские ученые предпочитали публиковать свои работы у себя дома, на родине, и лишь потом эти труды перепечатывались, как выдающиеся открытия и достижения мировой науки, в зарубежной прессе. Кому не известно, что творец «неэвклидовой геометрии» Н. И. Лобачевский — предшественник Гаусса, Римана и Эйнштейна — докладывал о своем открытии 11 февраля 1826 года на русском языке. Его статья «О началах геометрии» была напе-

чатана на русском языке в казанском провинциальном журнале, а затем опубликована на многих европейских языках...

Профессор Роскин должен знать, что русский язык — один из самых богатых, развитых языков мира — уже давно является международным языком. Русский язык — это язык великого народа, впервые сбросившего с себя иго помещиков и капиталистов, народа, показавшего всему миру путь к социализму. Так же, как не могут теперь решать международные дела без Советского Союза, нет ныне настоящей культуры и цивилизации без русского языка.

Как не возмущаться нам поведением Роскина, который, забыв, что он принадлежит к коллективу ученых великой страны Советов, вокруг которой сплотилось все прогрессивное человечество, стремится во чтобы то ни стало напечатать свою работу хотя бы и в дряненьком, хотя бы и в реакционном, но все же заграничном журнале.

Из всего этого выходит, что у профессоров Ключевой и Роскина интересы советской науки оказались на втором плане, что у них не развито сознание советской национальной гордости. А между тем кому как не советским людям, кому как не нашим ученым гордиться своей родиной, гордиться тем, что именно мы, советские люди, наш народ первыми в истории человеческого общества построили социализм, самый высокий и совершенный строй жизни людей, который навеки уничтожил угнетение и все виды эксплуатации человека человеком...

Советский народ горд тем, что он выдвинул из своей среды величайших людей всех времен, гениев революции и передовой науки, руководителей и строителей социалистической жизни, наших вождей — Ленина и Сталина. Именно партия большевиков, ее основатели и вожди воспитали наш народ передовым, культурным, революционным строителем коммунистической жизни. Они привили советскому человеку великую творческую силу новатора и строителя социализма. Они учили советских людей не бояться трудностей, непрестанно идти все вперед и вперед, преодолевая на своем пути все препятствия в деле строительства нового мира. Они воспитали советский народ в духе уверенности в победе и правоте своего великого, возвышенного дела, в духе смелости и героизма в борьбе за коммунистические идеалы, в духе беззаветной преданности делу коммунизма, советской родине, в духе непримиримой пламенной ненависти ко всякому угнетению, предательству, в духе ненависти к разлагающейся человеконенавистнической буржуазной идеологии и гнилой капиталистической культуре...

Антипатриотические поступки, подобные тем, которые совершены Роскиным и Ключевой, не имеют у нас почвы для своего произрастания, но, к сожалению, они еще существуют как дикий атавизм, как чудовищный пережиток прошлого. Пусть над этим задумаются те немногие люди, которые, может быть, до сих пор еще не осознали, к чему приводит аполитичность в науке. Пусть они поймут, что нет беспартийной науки, что наша советская наука служит нашему советскому народу, поистине передовой демократии. Нельзя быть хорошим ученым и плохим гражданином своей советской страны. На нас, советских ученых, выпала огромная честь. В наших руках находится воспитание нашей молодежи в духе высокой чести и достоинства советского ученого и

гражданина, в духе национальной гордости и советского патриотизма.

Наша семья медицинских работников Советского Союза, воспитанная нашей партией и советской властью, преданная своей великой Родине, никому не должна впредь позволить, не имеет права допустить, чтобы ее славное имя было запятнано поступками, подобными тем, которые мы только что разобрали.

На основе всех материалов, находящихся в распоряжении Суда чести, на основе показаний профессоров Ключевой и Роскина и обсуждения этого дела в открытых заседаниях есть все основания сделать вывод, что их вина в совершении антигосударственных, антиобщественных и антипатриотических действий полностью доказана.

Я, один из числа этой семьи, облеченный доверием Суда чести, вами избранного, быть общественным обвинителем, настаиваю на том, чтобы за совершенные антигосударственные и антипатриотические поступки, выразившиеся в передаче американцам советского важного открытия в области биотерапии рака, причинившие ущерб престижу советской науки и поставившие под угрозу приоритет нашей Родины в разрешении крупной научной проблемы, имеющей важное государственное значение, объявить профессору Г. И. Роскину и профессору Н. Г. Ключевой общественный выговор.

РЦХИДНИ, ф. 17, д. 258, оп. 122, л. 8—12 об.

№ 5

РЕШЕНИЕ

СУДА ЧЕСТИ МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СОЮЗА ССР

г. Москва

7 июня 1947 г.

Суд чести Министерства здравоохранения Союза ССР в составе: председателя — зам. министра здравоохранения СССР доцента Шабанова А. Н., членов Суда чести: действительных членов Академии медицинских наук профессора Семашко Н. А., профессора Разенкова И. П., члена-корреспондента Академии медицинских наук профессора Саркисова С. А., заместителя министра здравоохранения СССР тов. Ковригиной М. Д., ответственного секретаря ЦК профессионального Союза медсантруд Центра т. Бузынкиной и секретаря партийного бюро Министерства здравоохранения Союза ССР т. Майского И. Н., рассмотрев на открытом заседании Суда чести дело профессоров Ключевой Н. Г. и Роски-

на Г. И., обвиняемых в антипатриотических, антиобщественных и антигосударственных поступках, установил:

Профессора Клюева и Роскин совершили ряд антигосударственных и антипатриотических поступков, роняющих их честь и достоинство как советских ученых и граждан.

Профессора Клюева и Роскин, работая в течение больше чем 15 лет над созданием противораковой вакцины, добились первых, весьма успешных результатов. Ими создан препарат «КР», первые опыты применения которого для лечения некоторых форм рака дают основание полагать, что дело идет об открытии величайшего научного значения, способном произвести переворот в деле лечения рака, болезни, для излечения которой мировая наука до сих пор не могла предложить ни одного действенного средства.

В силу антигосударственных и антипатриотических действий бывшего руководства Минздрава (Митерев) и прямых преступлений бывшего секретаря Академии медицинских наук Парина, оказавшегося американским шпионом, препарат «КР» вместе с технологией его производства в конце 1946 года был передан американцам, что поставило под удар советское первенство (приоритет) и нанесло серьезный ущерб государственным интересам.

Недостойные поступки профессоров Клюевой и Роскина состоят в том, что Клюева и Роскин своими действиями способствовали рассекретиванию препарата «КР» и передаче его американцам.

Еще в 1945 г. и в начале 1946 года, когда определились первые успехи в применении препарата «КР» для лечения больных раком, Клюева и Роскин, вместо того чтобы обеспечить секретность своих работ, поскольку открытие находилось в зачаточном состоянии и не прошло всесторонней клинической проверки, встали на путь афиширования своих работ и продвижения сведений о них за границу с целью личной славы. Тем самым к опытам Клюевой и Роскина и к работе их лаборатории было привлечено усиленное внимание иностранной, и в первую очередь американской, разведки.

Погнавшись за личной популярностью, Клюева и Роскин оказались совершенно несостоятельными и в последующий период, когда они и их лаборатория подверглись подлинной атаке со стороны американской разведки. За короткое время начиная с июня 1946 года у Клюевой и Роскина были американский посол в СССР Смит, американский академик Ваксман, американские профессора Мэд и Лесли. Все они являлись в лабораторию Клюевой и Роскина с настоячивыми требованиями подробной информации о работах Клюевой и Роскина, с откровенными предложениями «помощи» в любых размерах. За эту «помощь», которая, по сути дела, не отличается от подкупа, американцы предлагали «сотрудничество» Клюевой и Роскину с американской противораковой наукой путем передачи американцам препарата «КР», секрета его изготовления со всеми дальнейшими усовершенствованиями.

Эти встречи и переговоры с американцами завершились тем, что с согласия Клюевой и Роскина бывший секретарь Академии медицинских наук Парин, он же американский шпион, получил у Клюевой и Роскина перед поездкой в Америку для передачи американцам рукопись «Пути биотерапии рака», описание технологии производства «КР» и 10 ампул самого препарата.

Суд чести считает такое поведение Клюевой и Роскина недостойным, антигосударственным и антипатриотическим.

Работая в советской лаборатории на советские средства, будучи окружены вниманием и заботой советского правительства в течение 15 лет, Клюева и Роскин обязаны были плоды своих научных достижений нести советскому государству, а не иностранцам. Но Клюева и Роскин завели секреты от своего советского государства. Они охотно допускали посещения их лаборатории американцами. Они допускали переговоры, наносившие ущерб интересам советского государства. Они допустили, наконец, позорный и унижительный для чести и достоинства советского гражданина факт вручения Парину для передачи американцам рукописи, технологии и самого препарата, факт, совершение которого означало удар по интересам советского государства и советской науки, поскольку передача секрета изготовления «КР» означала и потерю советского первенства.

Профессора Клюева и Роскин предпочли связь с американцами обращению в советское правительство, а передачу своего открытия за границу скрывали от правительства, пытаясь его обмануть и затушевать все серьезные последствия этого недостойного дела.

Суд чести считает столь же недостойной со стороны Клюевой и Роскина эту попытку ввести в заблуждение правительство, обмануть его.

Установлено, что, когда дело о передаче рукописи американцам стало предметом разбора в правительстве, Клюева и Роскин, опасаясь, что их поведение может быть признано антигосударственным, при даче объяснений усиленно старались скрыть от правительства истинное положение вещей, уменьшить значение рукописи, переданной американцам, представить дело так, что будто бы рукопись не дает ключа к технологии производства «КР» и что, поскольку технология производства не была передана Париным американцам, сама передача рукописи якобы не имеет значения.

Суд чести на основе авторитетной экспертизы установил, что рукопись содержит все необходимые материалы для производства необходимых опытов и, следовательно, раскрывает технологию. Таким образом, заявления Клюевой и Роскина, особенно Клюевой, были рассчитаны на обман советского правительства.

Суд чести также установил позорный факт получения профессорами Клюевой и Роскиным подарка-взятки в виде двух свертков вещей от американского разведчика Лесли за услуги, оказанные американцам в рассекречивании препарата «КР».

Передача американцам открытия проводилась под флагом лжегуманизма, ибо рассуждения о том, что медицинская наука должна руководствоваться гуманными соображениями, не могут служить оправданием совершенных поступков. Всем известно, что американцы никогда не передавали и не передают другим странам ни своих медицинских открытий, ни препаратов, пренебрегая гуманными соображениями, а русским они отказывают нередко в продаже даже тех препаратов, которые давно вошли во всеобщее употребление и свободно продаются другим странам. Все это не могли не знать профессора Клюева и Роскин, и все это, однако, не помешало передать американцам плоды своих многолетних трудов, являющихся достоянием советского народа, советского государства.

Суд чести считает, что профессора Клюева Н. Г. и Роскин Г. И. перед Судом чести не проявили себя как советские граждане и продолжали быть неправдивыми. В своих последних словах на открытом заседании Суда чести, после выступления свидетелей и ряда ученых, полностью подтвердивших обвинения их в антигосударственных и антипатриотических поступках, проф. Клюева Н. Г. и проф. Роскин Г. И. не проявили должной искренности и честности в признании предъявленных им обвинений.

Признавая поступки профессоров Клюевой Н. Г. и Роскина Г. И. антигосударственными и антипатриотическими, Суд чести Министерства здравоохранения Союза ССР в соответствии с § 11 постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 28 марта 1947 года за № 758 «О судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах» постановляет:

Объявить профессору Клюевой Н. Г. и профессору Роскину Г. И. **общественный выговор.**

Решение Суда чести — окончательное.

Копии настоящего решения Суда чести приобщить к личным делам проф. Клюевой Н. Г. и проф. Роскина Г. И.

Председатель Суда чести

Члены Суда чести:

А. Шабанов

Н. Семашко,

И. Разенков,

С. Саркисов,

М. Ковригина,

Бузынкина,

И. Майский.

РЦХИДНИ, ф. 17, д. 258, оп. 122, л. 13—13 об.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В закрытом письме ЦК ВКП(б) о деле профессоров Клюевой и Роскина и приложенных к нему материалах с достаточной полнотой сформулированы постулаты идеологии послевоенного сталинизма, положившие основу развернувшейся следом борьбы с космополитизмом. В них раскрывается философия «социалистического изоляционизма», отхода от процессов мирового цивилизационного развития. Обосновывая надуманную «основную линию» поведения советской интеллигенции, сталинское руководство преподнесло, по существу, извращенную концепцию истории нашей страны, спекулятивную историю отечественной науки. Для придания утверждавшейся политике видимой аргументированности ее разработчики во главе с А. А. Ждановым не гнушались идти на извращение фактов и клевету.

Так, обосновывая собственную посылку, будто Н. Г. Клюева и Г. И. Роскин вводили в заблуждение правительство и обманывали суд, Жданов в заявлении председателю суда чести А. Н. Шабанову отвергает их утверждение о посылке в адрес «некоего Шубенкова записки от 25 сентября 1946 г.». Этот «некто» был ответственным работником Министерства государственной безопасности, и докладная записка Клюевой и Роскина от 25 сентября 1946 г. сохранилась в личном фонде А. А. Жданова среди подготовительных материалов по делу «КР»¹.

¹ РЦХИДНИ, ф. 77, д. 148. оп. 3, л. 1 — 6.

На «суде чести» и в последующих обсуждениях неоднократно бросалась тень на американского микробиолога З. А. Ваксмана (кстати, родившегося в Прилуках, на Украине) — создателя стрептомицина, автора самих понятий «антибиоз» и «антибиотик», позднее (в 1952 г.) Нобелевского лауреата. Утверждалось, что он во время визита в нашу страну и встреч с учеными отказался раскрыть секрет производства стрептомицина. А в протоколе закрытого партсоборания научных сотрудников и актива Института физических проблем АН СССР от 28 июля 1947 г. отмечалось со ссылкой на члена-корреспондента АН СССР А. И. Шальникова (впоследствии академика), что «Ваксман, будучи гостем на сессии Академии наук, сообщил нам всю технологию изготовления стрептомицина»².

Приведенные документы требуют обстоятельного анализа. Ограниченные возможности журнальной публикации вынуждают нас остановиться лишь на некоторых аспектах дальнейшего развития этого «сов. секретного» дела. Прежде всего, можно утверждать, что из всех идеологических акций второй половины 40-х—начала 50-х годов именно дело «КР» являлось предметом особого внимания партийно-политического руководства. Вопрос о ходе и итогах его обсуждения в партийных организациях страны три раза выносился на обсуждение Оргбюро ЦК — 27 августа, 15 октября и 26 декабря 1947 г.³ Непосредственный контроль за выполнением мероприятий, вытекавших из закрытого письма, и устранение недостатков, вскрытых на партийных собраниях, были возложены на Управление по проверке парторганов ЦК ВКП(б) и его отделы.

Обсуждение закрытого письма ЦК ВКП(б) началось на совещании в МК и МГК ВКП(б) 22 июля 1947 г., на котором присутствовало практически все партийное руководство Москвы и Московской области. Как отмечалось в информации, направленной секретарем МГК ВКП(б) И. Парфеновым А. А. Жданову, это письмо было «воспринято как документ огромного политического значения, как программа работы нашей партии в области воспитания интеллигенции в духе советского патриотизма и преданности социалистической Родине». На совещании был поставлен вопрос о расширении адресности этой партийной директивы — было предложено обсуждать закрытое письмо также на собраниях партийных организаций: 1) конструкторских бюро и проектных институтов; 2) в вузах в связи с каникулами и отпусками; 3) в министерствах и ведомствах РСФСР. Ознакомившись с информацией, А. А. Жданов направил ее М. А. Сулову со следующей резолюцией: «Тов. Сулову. По некоторым вопросам (2, 3) нужно ваше мнение». Сулов написал ниже: «Вопросы разрешены». В отношении вузов он предложил: «Собраний не проводить, а ознакомить наличных коммунистов нужно»⁴. Это не избавило парторганизации вузов от проведения закрытых собраний после начала учебного года.

Таким образом, закрытое письмо ЦК ВКП(б), адресованное первоначально высшему эшелону партийно-государственной номенклатуры, стало основой общепартийной идеологической мобилизации. Секретариат ЦК в дальнейшем разрешил его рассылку комсомольским организациям, ознакомление с ним коммунистов, работающих

² Там же, ф. 17, оп. 122, л. 262, л. 76.

³ Там же, оп. 116, л. 317, л. 2; л. 323, л. 1 — 2; л. 331, л. 8 — 9.

⁴ Там же, оп. 122, л. 259, л. 1 — 2.

на судах заграничного плавания⁵, а также обязал присылать в ЦК решения партсобраний, посвященных обсуждению закрытого письма ЦК ВКП(б) о деле профессором Ключевой и Роскина⁶. В архиве сохранились сотни информационные писем, развернутых протоколов и полных стенограмм по этому вопросу. Среди этих документов — материалы собраний работников аппарата Верховного Совета СССР и Госплана СССР, Прокуратуры СССР и Главлита, МИД СССР и ТАСС, Союза писателей и Союза архитекторов, министерств и главных управлений, исследовательских институтов и вузов и т. д.

Все поступавшие материалы обобщались под руководством заместителя начальника управления по проверке парторганов ЦК ВКП(б) Н. А. Пегова и направлялись секретарям ЦК А. А. Жданову, М. А. Сулову и Г. М. Попову. Так, в информации от 27 августа 1947 г. отмечалось, что закрытое письмо ЦК продолжает обсуждаться в парторганизациях Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Львова, Одессы, Ворошиловграда, Горького, Кирова, Иванова, Красноярска, Эстонии, Узбекистана, Казахстана, Киргизии и других областей и республик. В Москве к этому времени состоялось 340 партсобраний, во многих случаях они продолжались два — три вечера. В ходе собраний выдвигались предложения, среди которых чаще ставились вопросы об импорте оборудования, выпускаемого на отечественных предприятиях, об опубликовании в западной печати незавершенных научных трудов советских специалистов, о более строгом подходе к посылке работников в заграничные командировки, о бдительности и улучшении партийно-воспитательной работы среди интеллигенции и т. п.⁷

18 августа 1947 г. партком МВД СССР сообщил, что обсуждение закрытого письма состоялось во всех 60 его организациях, в том числе в Главном управлении милиции, ГУЛАГе, Бутырской тюрьме, Главном архивном управлении⁸.

В Ленинграде к 10 сентября 1947 г. прошло 95 собраний, протоколы и стенограммы 60 из них были пересланы в ЦК ВКП(б)⁹.

К 26 ноября 1947 г. собрания были проведены во всех комсомольских организациях¹⁰.

Со ссылкой на мнение коммунистов принимались и дополнительные решения. Так, с сентября 1947 г. в журналах Академии наук СССР прекратилась публикация как резюме, так и названий и оглавлений журналов на иностранных языках. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) дало указание прекратить их помещению в медицинских и производственно-технических журналах¹¹.

При практически всеобщем одобрении положений закрытого письма на партсобраниях высказывались и замечания о том, что отсутствие публикаций в прессе материалов по делу Ключевой и Роскина не позволяет коммунистам вести доказательную разъяснительную работу среди интеллигенции. Закрытость проводимой кампании порой приводила даже к конфузам. 20 августа 1947 г., ровно через месяц после рассылки закрытого письма ЦК ВКП(б), газета «Му-

⁵ Там же, оп. 116, д. 319, л. 13; д. 325, л. 2, 4.

⁶ Там же, д. 319, л. 13.

⁷ Там же, оп. 117, д. 887, л. 8 — 13.

⁸ Там же, оп. 122, д. 268, л. 1 — 3.

⁹ Там же, д. 260, л. 1 — 11, 22.

¹⁰ Там же, д. 279, л. 11.

ромский рабочий» опубликовала портрет Н. Г. Ключевой с пространной заметкой, в которой Ключева и Роскин характеризовались как «лучшие дочери и сыновья советского народа»¹². Еще через два месяца, 26 октября 1947 г., аналогичный материал был помещен в газете «Стахановская вахта» — органе Управления Байкало-Селенгинского пароходства и бассейнового комитета профсоюза речников. Отдел партийной информации Управления по проверке парторганов ЦК ВКП(б) провел расследование этих фактов, снял с работы редакторов и наказал цензоров¹³.

Хотя закрытое письмо ЦК ВКП(б) рекомендовало суды чести как новую и действенную форму воспитания интеллигенции, большинство министерств и ведомств СССР ограничилось лишь их избранием, а к работе они, за редким исключением, так и не приступили. Парторганизации министерств и члены судов чести уклонялись от показательных заседаний, оправдываясь тем, что у них нет таких крупных дел, как дело Ключевой и Роскина¹⁴. Суды чести избирались сроком на один год, в 1948 г. срок их полномочий был продлен еще на год, но впоследствии постановления о продлении не принимались и они прекратили свое существование¹⁵.

Несмотря на активную подготовку и проведение идеологической кампании, внимание руководства партии и государства к созданию противоракового препарата еще не ослабло. В декабре 1946 г. Совет Министров СССР принял по проекту ЦК ВКП(б) развернутое постановление «О мерах помощи лаборатории экспериментальной биотерапии проф. Ключевой Н. Г.», и в течение всего 1947 г. под контролем Л. П. Берия и К. Е. Ворошилова шла работа по его претворению в жизнь¹⁶. На территории Московского областного научно-исследовательского клинического института (МОНИКИ) для лаборатории возводился корпус № 9. Когда отпущенные лаборатории на год 4 млн. 400 тыс. руб. были израсходованы в течение 8 месяцев, В. М. Молотов подписал 16 октября 1947 г. распоряжение Совета Министров СССР о разрешении Министерству здравоохранения СССР израсходовать в 1947 г. дополнительно на научно-исследовательские работы по биотерапии рака 3 млн. руб. в счет ассигнований на зарплату по смете Академии медицинских наук СССР на 1947 г.¹⁷. В правительстве обсуждался вопрос о замене в учреждениях АМН СССР вахтерной охраны на военизированную¹⁸. В 1948 г. президиум АМН СССР принял решение о расширении клиники лаборатории до 50 коек, но реализовано оно было частично только спустя два года.

Работа ученых велась под жестким присмотром, в условиях «короткого поводка» и продвигалась с трудом. В 1949 и 1951 гг. работу лаборатории проверяют государственные комиссии. По рекомендации одной из них лаборатория биотерапии рака Н. Г. Ключевой была закрыта¹⁹. В 1953 г. в связи с известным «делом врачей» Г. И. Роскина снимают с заведования кафедрой цито-

¹¹ Там же, д. 262, л. 206.

¹² Там же, оп. 117, д. 887, л. 22.

¹³ Там же, оп. 122, д. 290, л. 41.

¹⁴ Там же, оп. 117, д. 887, л. 23.

¹⁵ См. Известия ЦК КПСС, 1990, № 11, с. 135—137.

¹⁶ ГАРФ, ф. 5446, оп. 50, д. 3488, л. 2 — 4.

¹⁷ Там же, д. 3462, л. 6.

¹⁸ Там же, д. 3432, л. 42 — 49.

¹⁹ 19 Архив Российской Академии медицинских наук. Личное дело Н. Г. Ключевой.

логии МГУ. Н. Г. Ключева получает маленькую лабораторию в Государственном контрольном институте вакцин и сывороток им. Л. А. Тарасевича.

В условиях послесталинской «оттепели» комиссия ученого совета Министерства здравоохранения СССР провела освидетельствование больных, лечившихся препаратом «КР» до 1951 г.; в результате было принято решение о возобновлении работ. Через год с препарата «КР» был снят гриф секретности. Положение авторов открытия — профессоров Н. Г. Ключевой и Г. И. Роскина продолжало тем не менее оставаться двусмысленным. В 1958 г. они писали Н. С. Хрущеву: «Вынесенный нам приговор несправедлив и незаслужен, он подверг нас целому ряду тяжелых испытаний. За общественной дискредитацией последовала и научная дискриминация. Все это привело к тому, что дело, которому мы отдали долгие годы, — разработка нового метода лечения рака и его внедрение в клинику — оказалось в непереносимо тяжелых условиях. В разных формах и на разных этапах нам в течение 11 лет приходится доказывать, что мы не «сомнительные граждане», а научные работники, посвятившие себя полезному для больных и научно честному делу»²⁰.

15 ноября 1959 г. Н. Г. Ключева и Г. И. Роскин были вызваны в ЦК партии и им было зачитано постановление Президиума ЦК КПСС о снятии с них политических обвинений. Кроме того, вторым пунктом было записано, что работу по раку следует продолжать²¹. Казалось бы, все нормализуется. В том же году было начато заводское производство противоракового препарата, Минздрав приступил к клиническим испытаниям. Однако статистика этих испытаний была недоступна разработчикам «КР». Председатель созывавшегося в Москве Международного противоракового конгресса Н. Н. Блохин отказался включить доклад по круцину («КР») в программу конгресса. На протяжении последующих 10 лет, вплоть до 1971 г., когда умерла Н. Г. Ключева (Г. И. Роскин умер в 1964 г.), работу ученых преследовало недоверие, на пути изготовления и совершенствования препарата — не без усилий тогдашнего руководства АМН СССР — возникало множество препятствий. В 1971 г. препарат «КР» был изъят из перечня употребляемых на территории СССР лекарств.

Таким образом, идея биотерапии рака и созданный на ее основе препарат, разработанные отечественными учеными, не были внедрены в жизнь. Немаловажными причинами этого явились привнесение в научную работу политико-идеологического аспекта, борьба против так называемого космополитизма и охранительные тенденции руководства медицинской науки. Политические обвинения с ученых были сняты, но никто не ставил вопрос об отмене постановления Суда чести. Остается надеяться, что это, наконец, будет, хотя и с большим опозданием, сделано.

В. Д. ЕСАКОВ,
Е. С. ЛЕВИНА

²⁰ Там же. Коллекция Г. И. Роскина.

²¹ Там же.